

Вячеслав Сукачев

**Спутница
ПО ИЮНЬСКОЙ
НОЧИ**

Книга рассказов

18+

Вячеслав Сукачев

Спутница по июньской ночи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сукачев В. В.

Спутница по июньской ночи / В. В. Сукачев — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04589-7

В свое время Виктор Астафьев назвал автора этой книги "дамским угодником", имея в виду его литературные пристрастия, и не ошибся. По замыслу Вячеслава Сукачева все женские образы неизбежно становятся эмоциональным и психологическим центром каждого отдельно взятого рассказа, поскольку они ему очень интересны, как писателю. Но у автора нет и не может быть отчуждения и к героям-мужчинам. Просто ему любопытны даже самые малые нюансы женской натуры. Ведь именно к женщине чаще всего сходятся все сюжетные линии рассказов: она - перекрестье любви и ненависти, красоты и предательства, она - истинная душа избранных рассказов автора.

ISBN 978-5-532-04589-7

© Сукачев В. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Спутница по июньской ночи	5
I	5
II	7
III	10
IV	12
V	15
VI	16
VII	18
VIII	20
Принцесса северного сияния	22
I	23
II	25
III	27
IV	29
V	31
VI	33
VII	35
VIII	37
IX	39
X	41
XI	42
Интеллигент в первом поколении	44
I	45
II	47
III	50
IV	51
V	53
VI	55
VII	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Спутница по июньской ночи

I

Сразу за лесом, темно и плотно вставшим на пути, они свернули вправо и еще успели заметить рассеивающийся голубой дымок от выхлопных газов. Она, наверное, ничего не поняла и весело спросила:

– Куда это он покатил?

– Кто его знает, – небрежно ответил Тихон Варков.

– Но мы ведь не опоздали?

– Кажется, нет...

– Что значит – «кажется»? – встревожилась она. – Который теперь час?

– Половина шестого...

– Как?! – испуганно ахнула она, задерживая шаг и роняя в Тихона непонимающий взгляд. – Как – половина шестого? Ведь мы обещали вернуться к пяти часам... Вы шутите?

Он поднял левую руку, она судорожно шагнула и, вытягивая шею, посмотрела на циферблат. Тихон усмехнулся и молча пошел дальше.

– Но как же так получилось? – растерянно говорила она у него за спиной. – И что теперь будет?

– А что, собственно, может быть? – небрежно спросил Тихон. – Что тут особенного, если мы так и не нашли никаких ягод, про которые он нам наплел с три короба?

– Что особенного? – голос у нее срывался и падал, и в нем уже не было того удивительного малинового звона, который утром отметил для себя Тихон. – Вы его плохо знаете... Да нет, вы его совсем не знаете, если так говорите...

Они уже подошли к своему стану, где была расстелена «скатерть-самобранка», растерзанная обеденным аппетитом, и Тихон видел, что она едва сдерживает слезы, но продолжал притворяться и «ничего не замечал».

– Вы его совсем не знаете, – повторила она, безнадежно остановившись у полога яркой палатки.

Тихон взял бутылку пива, скovyрнул пробку и жадно принялся пить из горлышка, скашивая глаза на ее загорелые, вполне уже женские плечи.

– Допустим, что я его не знаю, – лениво сказал он. – И что?

– Почему он уехал?

– Меня это мало интересует, – Тихон отбросил бутылку и лег на раскаленный солнцем резиновый матрац.

– Он уехал потому, что... что, – она с трудом сглотнула, высоко подняв плечи и выпрямляясь долгой спиной.

– Глупости, Лена, – он впервые назвал ее по имени. – Лучше выпейте пива и ложитесь: после такой прогулки надо отдохнуть.

– Да-а, вам легко говорить, – неуверенно протянула она. – А я знаю, что он теперь злится...

«Ничего ты не знаешь», – усмехнулся Тихон. – Но вслух сказал совсем о другом:

– А пиво-то холодное, из автомобильного холодильника.

– Тогда налейте и мне, – рассеянно попросила она.

Тихон налил и подал ей пластмассовый стаканчик.

– Хорошо, что вы с ним старые друзья, – тихо сказала она. – Вам он может поверить...

Она пила торопливыми маленькими глотками, и её мокрые зубы остро взблескивали в белой пене, и это так не вязалось с тем, что она говорила... Не выпуская стаканчик из рук, Лена встала на колени рядом с Тихоном, доверчиво глядя на него детски-порочными круглыми глазами.

– Ведь вы ему скажете, что мы честно искали ягоды, и поэтому опоздали на полчаса?

– Конечно...

– А еще лучше вот что! – она засмеялась от удовольствия, немного откидывая голову в сторону и назад. – Давайте подведем часы?

И Тихон не смог удержаться, чтобы не улыбнуться ее наивности, вот этому – «давайте подведем часы». И, подделяваясь под ее тон, он весело спросил:

– А это ничего, что мы его немножко обманем?

– Ничего-ничего! – радостно захлопала она в ладоши, оглядываясь на пыльную дорогу. – Так будет лучше. – Она быстро и странно взглянула прямо ему в глаза. – Ой, вы сильно устали, да? Вы спать хотите? Я не буду вам мешать... Вы спите, а я все здесь приберу и подумаю, что мы будем есть, когда вы проснетесь, и придет Валерик.

– О,кей, – обронил Тихон с вялых губ и прикрыл глаза.

II

Спать Тихон не хотел.

«Кой черт ввязался я в эту историю, – принялся ругать он себя, как только спрятался от Лены за броней мягких ресниц. – Валерка всегда впутывает меня в грязные истории. А я не могу ему отказать. И эта, вертихвостка, туда же... Сколько ей лет? Валерку, вообще-то, за такие дела бить надо. Но его разве побьешь: он любому в пять минут докажет, что протянуть слона сквозь игольное ушко – рядовое событие. Однако же всему есть предел и впредь надо быть с ним осторожнее. Чего доброго, можно в такую историю вляпаться... Однажды он хвастливо признался: «Я люблю наблюдать, как из девочки формируется женщина». Вот и наблюдал бы теперь сколько угодно... А женщину из нее он, конечно, сделал, – вполне! – Тихон усмехнулся, вспоминая мягкую и плавную линию плеч этой Леночки. – Здесь он преуспел, как, впрочем, и везде...»

Валерка появился у него в общежитии вчера вечером, непривычно тихий и серьезный. Полистал журналы, постоял у окна, нервно закурил и вдруг сказал:

– Тихон, я горю синим пламенем!

Тихон знал, что еще днем, на службе, Валерка никаким огнем не горел, даже наоборот – нагло посапывал за столом, уронив голову на сложенные руки. Глядя на него, ребята добродушно посмеивались. Случись такое с Тихоном, ему, наверное, просто-напросто показали бы на дверь. Валерке же все шло с рук...

К концу рабочего дня Валерка ожил, потянулся после сладкого сна и угостил всех дорогими сигаретами. По офису поплыл тонкий, ароматный запах, и уже никто из сотрудников не думал о работе, нетерпеливо поглядывая на круглые настенные часы.

– Что, Валерка, не дали тебе ночью выспаться?

– Не дали, – искренне вздохнул в ответ Валерка.

В это время по всему пятиэтажному зданию проектно-исследовательского института звонко задребезжал электрический звонок, даруя всем его обитателям свободу вплоть до половины девятого утра будущего понедельника. Зная, что у выхода на проходной непременно образуется пробка, сотрудники опрометью кинулись вон. Вместе со всеми ушел и Тихон, хотя ему, собственно, спешить было некуда. И вот теперь, спустя несколько часов, Валерка сказал ему, что горит синим пламенем.

– Да? – недоверчиво посмотрев на приятеля, спросил Тихон.

– Не веришь?

– Почему же... А что за причина у этого синего пожара?

– Понимаешь, Тихон, она мне позвонила...

– Кто?

– Да Ленка же... Я тебе о ней рассказывал.

– Что-то не припомню...

– Ну, как же не помнишь? – вдруг разнервничался Валерка. – Она дочка Питона, короля бензоколонок... Только что закончила десятый класс. У нее еще такие, знаешь, круглые глаза...

– Та-ак, прекрасно, – Тихон зевнул и повалился на свою кровать. – Круглые глаза, это очень здорово... Только при чем здесь я?

– Слушай, – Валерка остановился возле Тихона, – ты мне друг или нет?

– Портянка...

– Я серьезно!

Да, Валерка нервничал, теперь Тихон в этом не сомневался. Даже его знаменитое самоуверенное выражение лица, с которым он шел сдавать любой экзамен, не зная страха и пред-

мета, сейчас куда-то подевалось. Кажется, Тихон мечтал именно о такой минуте, мечтал все шесть лет их знакомства, но теперь удовольствия почему-то не испытал...

– Да ты бы не тянул, – нахмурился Тихон. – Можешь сказать мне без предисловий?

– Короче, или ты меня спасаешь, или... – Валерка сел на стул, но долго на нем не усидел.

– Ну?

– Или меня прибудут качки господина Питонова...

– И как же это я могу тебя спасти? – обеспокоился Тихон.

– Элементарно... Дело пустячное, Тиша, но весьма деликатное... В общем, Ленка позвонила мне и сказала, что у нее будет ребенок. Правда, еще никто ничего не знает, но если узнают... – Валерка горестно развел руки. – Ей ведь даже восемнадцати нет...

У Тихона от удивления округлились глаза, он, что называется, обалдел.

– Вот те раз! – воскликнул Тихон. – А я здесь при каких делах? Я ведь не врач и даже – не акушер...

– Это понятно, – отмахнулся Валерка. – Тут совсем другое... Понимаешь, мне от нее надо срочно слинять... Типа, что я там и вообще не ночевал. – Валерка натянуто засмеялся. – Встречался, конечно, у нее на это свидетелей куча, одних подруг – штук пять... Но надо это дело так повернуть, дорогой Тиша, что был-то я у нее не единственный. Что она вообще отморозенная... Только ты подожди, не заводись – не надо на меня так смотреть. – И на Валеркином лице вновь засияла его знаменитая улыбка. – Ты вначале представь ситуацию, если этот факт получит огласку... Ведь Питонов – это мафия, и мафия очень серьезная. Меня просто-напросто закатают в асфальт... Ты этого хочешь? И я – не хочу! Или, может, ты посоветуешь жениться на малолетке, у которой через пять лет сытой жизни появится второй подбородок и пожизненное тупое выражение в глазах? Или хочешь спросить – о чем я думал раньше?

– Не мешало бы узнать, – раздраженно пробурчал Тихон.

– Да все о том же, о чем все мужики думают... Ну, подставилась, а я живой человек... Короче, Тихон, от тебя зависит все!

Очень хотелось Тихону послать Валерку куда подальше, объяснить ему, что в таких делах он ему не помощник, но вместо этого он раздраженно спросил:

– Интересно, что именно может от меня зависеть?

– Тиша, все просто, как самовар. Ты, кстати, можешь даже рта не открывать – я все сделаю сам. Единственное, что мне действительно нужно от тебя, это твое присутствие на несколько часов. – Валерка подвинул стул и сел напротив Тихона. – Допустим, завтра мы втроем едем отдыхать...

– А кто третий-то?

– Ну, Ленка же эта! Допустим, мы культурненько отдыхаем, потом я вспоминаю, что забыл дома выключить газ, понимаешь? Ну, что-то в этом роде...

– Та-ак...

– Я уезжаю, а вы продолжаете культурно отдыхать. Потом я возвращаюсь, и мы культурненько дергаем домой.

– Не понял...

– Что?

– Зачем все эти приехал-уехал и так далее? Что от этого изменится?

– Многое, Тиша, многое изменится...

– Например?

– А ты не понял? – Валерка подозрительно уставился на Тихона.

– Нет, не понял...

– Ну, ты даешь! – Валерка захохотал.

– Чего ты?

– Да так, Тиша, не обращай внимания, – он взглянул на часы. – Слушай, мне надо срочно ехать... Ну, так как – договорились?

– А в чем все-таки моя роль? – так и не смог вникнуть в ситуацию слегка растерянный Тихон.

– Пока я буду мотаться домой и обратно, ты попробуй с ней поговорить... Она не совсем дура, может, и поймет...

– А что понимать-то ей надо? – продолжал тупить Тихон.

– Ну, что для ребенка еще не наступило время, что мне надо самому встать на ноги, а уже потом думать о семье. Что я и вообще довольно ветреная натура и дальше в таком же духе.

– А дома об этом нельзя поговорить?

– Да нет – нельзя, – Валерка поморщился. – Понимаешь, если ты ее не уговоришь, я сцену ревности закачу и – прощай, Леночка. Тогда меня никакой Питонов не возьмет: мне, понимаешь ли, гулящая жена не нужна и – баста!

Тихон подумал и неприязненно сказал:

– Теперь – понял... Значит, меня ты назначил на роль запасного любовника?

– Да какой там любовник! – Валерка вскочил со стула. – Какой любовник? Самая банальная ситуация: молодой человек слегка приударил за молоденькой дурочкой... Больше ничего не будет, понимаешь: ни-че-го!

– Понимаю, тяжело вздохнул Валерка.

III

– А вы спали, – сказала Лена, как только Тихон открыл глаза.

Тихон взглянул на солнце и понял, что спал он немало – не меньше часа, а то и с хвостиком: когда он ложился, солнце еще высоко стояло, а теперь уже собиралось прикорнуть на ломкую линию еловых вершин. Длинные тени от деревьев, под которыми они расположились, тянулись по луговине, воздух посерел и обмяк...

– А я поесть приготовила, – радостно сообщила Лена. – Давно все остыло, а Валерик все не едет.

«Почему я не умею отказывать? – тоскливо подумал Тихон. – Почему тот же Валерка так ни разу и не съездил со мной в деревню, хотя я его об этом просил? И ведь Валерка не просто отказывался от поездки, а делал это так, что мне и в голову не приходило на него обидеться...»

– Что мы будем делать теперь? – тихо спросила Лена.

«Собственно, я приехал отдыхать, – обозлился Тихон. – А они пусть сами разбираются и делают, что хотят... Я мог всей этой истории вообще не знать».

– А ничего мы делать не будем, Леночка, – решительно заявил Тихон, бодро поднимаясь с надувного матраца. – Сейчас я умоюсь, и мы сядем ужинать – не век же нам его ждать... Может, у него сломалась машина...

– У Валерика машина никогда не ломается, – гордо возразила Лена.

– Запудрил он тебе мозги, – сквозь зубы пробормотал Тихон и уже для Лены громко добавил: – Машины, к сожалению, ломаются у всех, на то они и машины.

Взяв полотенце, Тихон спустился к небольшому ключику, искоса наблюдая за падающим между деревьями красным солнцем. Лес в той стороне зловеще багровел, и на душе от этого у него стало как-то тревожно и неудобно.

Сняв футболку, Тихон неторопливо умылся по пояс, растерся полотенцем и почувствовал себя бодро и хорошо. Теперь уже и ситуация, в которую он попал благодаря Валерке, не казалась ему столь мрачной и унижительной.

Пока он умывался, солнце пропало за деревьями, и лишь тонкая полоска неба всё ещё яростно багровела над горизонтом...

– Тихон, где вы? – неожиданно услышал он встревоженный голос за спиной.

Тихон оглянулся и разглядел Лену на невысоком срезе косогора.

– Здесь я...

– Вы скоро, а то я боюсь, – голос у нее дрожал, и Тихон невольно подумал, что она и в самом деле совсем еще девчонка.

– Иду... Только чего же вам бояться? Кругом такая тишина и благодать, – неожиданно ударился в лирику Тихон.

– Мне от тишины вашей как раз и страшно... Даже уши закладывает, а вас все нет и нет. Я и подумала...

– Что? – он уже поднимался к ней на косогор.

– Подумала, что и вы от меня сбежали...

– Куда я от вас сбегу?

– Не знаю.

– Да и кто это от вас сбежал? – спохватился Тихон. – Не пройдет и часа, как он будет здесь.

– Вы так думаете?

– А чего тут думать – никуда он не денется, приедет...

Костерок она запустила, и он лишь слабо пульсировал в наступающих сумерках. Да и вообще, как вдруг почувствовал Тихон, от их стана повеяло удручающим холодком неустроенности, так что и в самом деле можно было забояться.

– Что же вы за костром не уследили? – упрекнул Тихон.

– Я думала, что нам дров не хватит, – виновато ответила Лена.

– Дров – море! Здешними дровами можно целый поселок обогреть, – наставительно заметил Тихон. – Надо только не лениться.

И он, почувствовав неожиданный прилив энергии, взялся за дело.

Через полчаса ярко пылал костер, надежно высилась объемистая куча дров, а сами они сидели на удобных чурках возле «скатерти-самобранки».

IV

– За что же нам выпить? – спросила Лена, заглядывая в свой пластмассовый стаканчик.
«За то надо бы выпить, – брюзгливо подумал Тихон, – чтобы ты впредь умнее была».

Он и вслух попытался выразить эту гениальную мысль, но запутался в словах, которыми собирался упрекнуть Лену, поэтому смущенно закончил:

– В общем, за лучшую половину человечества!

– Вы это серьезно? – она внимательно посмотрела на него.

– Вполне, – Тихон сделал вид, что ему надо поправить костер и потянулся к головешке.

– Спасибо, – догнал его голос Лены, в котором Тихону почудилась легкая насмешка.

Они выпили, и Тихон сплеснул остатки водки из стаканчика в костер. Закусили вначале свежими огурцами, потом бутербродами с колбасой и сыром.

– Вы проголодались? – спросила Лена.

– Да нет, не очень, – соврал почему-то Тихон.

– Тогда мы еще немножко подождем Валерика, хорошо?

– Хорошо...

И вот так странно, «Валерик», называла она его.

У Тихона от выпитой водки стало спокойнее на душе, и он уже с любопытством присматривался к Лене. Ему хотелось понять, за что она полюбила Валерку, чего особенного в нем нашла, если решилась на такое... Ведь за свои семнадцать лет она наверняка не раз с парнями встречалась и ничего, а встретила Валерку и – готово... Что в нем, Валерке, такого? Грудь впалая, ручки тонкие, не мужик, а... Да что там говорить – сын каменных джунглей. А вот, поди ж ты, – девкам спуска не дает...

– О чем вы думаете, Тихон?

– Да так, – смутился Тихон, – ни о чем...

– Расскажите о себе, – вдруг попросила Лена, да таким тоном попросила, такие малиновые подголоски вдруг зазвенели, что Тихон удивленно уставился на нее. – Вы ведь к нам из деревни приехали, да?

– Из деревни, – Тихон перевел дыхание и впервые подумал, что Валерке давно пора возвращаться. Он потянулся за бутылкой и налил в стаканчики поровну, хотя перед этим думал, что надо бы ей наливать поменьше.

– И вы не скучаете? – она открыто и доверчиво смотрела на него детски-порочными глазами.

– Почему же – скучаю, – сдержанно ответил Тихон и поднял свой стаканчик.

Они выпили. Потом, чуть позже, Тихон заметил, что Лена отпила лишь половину, и в душе порадовался за нее.

– А почему вы остались в городе? – настойчиво продолжала допытываться Лена, закури-вая и морщась от дыма.

«В самом деле – почему? – задумался Тихон. – Привык к городу за пять лет учебы в институте? Так к деревне-то мне привыкать не надо, я там родился, вырос, однако же, деревню свою бросил, живу в общежитии. Кто его знает – почему...»

– Наверное, психологический фактор свою роль сыграл, – по-ученому ответил Тихон.

– Как это?

– Да так... Я все детство и потом, когда уже в школе учился, особенно – в старших классах, о городе только и слышал. Все говорили, что там не надо вкалывать, как в деревне, по двенадцать часов в сутки. О тех, кто уехал в город и там устроился, отзывались, как о счастливицах... Так вот и готовили во мне будущего горожанина...

Лена, казалось, внимательно слушала, задумчиво и серьезно глядя на Тихона. Но в одну из пауз она неожиданно сказала:

– Вы знаете, Тихон... Конечно, извините меня...

И он, вначале непонимающе уставившись на нее, вдруг густо покраснел и поспешно отвел глаза.

– Вы немного проводите меня? А то там так темно и страшно, – капризно пожаловалась она, поднимаясь со своего сиденья.

А ночь и в самом деле таинственно и настороженно поджидала их, и стоило сделать несколько шагов от костра, как она ожила непонятными звуками, дохнула в лицо ощущением чьего-то незримого присутствия. И вначале вполне естественным показалось Тихону, что Лена судорожно схватила его за руку, прижалась, путая и сбивая шаг. Он почувствовал ее дыхание где-то у самого уха и не сразу различил ее слова:

– Только не уходите далеко, пожалуйста, – попросила она. – Я умру от страха, если вы уйдете...

От темной ночи и прикосновения Лены, от ее шепота и запаха волос, значение слов становилось как бы шире, вбирая в себя и еще что-то, лишь подразумевающееся в интонациях голоса, в деталях этой неожиданной ситуации...

– Я не уйду, – хрипловато пообещал Тихон. – Я здесь постою.

– Спасибо... Ой, до чего же темно, – она растворилась в ночи, но продолжала говорить: видимо, ей было легче переносить страх при звуках собственного голоса.

А Тихон, слушая ее удаляющийся голос, вдруг со всей определенностью понял, что каким-то образом уже связан с этой молоденькой девочкой, что невидимые нити протянулись от нее к нему, и уже невозможно не реагировать на эту призрачную связь. И опять он подумал, что Валерке самое время вернуться, но подумал как-то вяло и отстраненно, лишь слегка удивившись тому, что Лена вдруг перестала вспоминать о нем, своем «Валерике». Чем это объяснить – он не знал, но сладкая тревога, томительное ожидание чего-то тайного, что обещала ему слепая, беззвездная ночь, прочно поселились в нем...

– Вы не ушли? – Лена была где-то совсем рядом, на выходе из ночи, и Тихон, напрягая зрение, потянулся к ее голосу.

– Здесь я...

– Фу, слава богу, – облегченно вздохнула Лена, вырываясь из ночи и цепко хватаясь за руку Тихона. – Теперь ведите меня, – она засмеялась, видимо, от удовольствия благополучно пережитого страха.

Когда они вернулись к костру и Тихон не без сожаления почувствовал, как отпустила его пальцы маленькая, теплая рука, он счел необходимым напомнить своей спутнице по июньской ночи о тех реальных вещах, которые, казалось бы, он и она никак не должны были забывать.

– В самом деле, пора бы ему уже вернуться, – ворчливо сказал он.

– Я же говорила, я говорила вам, что он разозлился, – горячо откликнулась Лена. – Мы опоздали на полчаса, и он завелся... Вы ведь не знаете, как он ревнует меня к каждому столбу, – с плохо скрываемой гордостью добавила она. – А тут вдруг я с интересным мужчиной задержалась на целых полчаса...

Она и еще что-то говорила, доверчиво и беззащитно взглядывая на Тихона, ища у него поддержки и сочувствия. А Тихон из всего потока ее слов отметил только два обстоятельства: то, что она назвала его «интересным» мужчиной и что Валеркин план, кажется, благополучно осуществляется...

Они выпили еще по одной стопке, наконец-то съели приготовленные рожки по-флотски, побаловались чайком, а там Лена протяжно зевнула, и стало понятно, что пора на покой.

– Что, спать будем? – буднично спросила она, небрежно сваливая в одну кучу немытую посуду и остатки продуктов. Перехватив удивленный взгляд Тихона, улыбнулась и вопросительно сказала: – Посуду я завтра помою, ладно?

Тихон поднялся и пошел от костра.

Прежняя темная ночь обступила его со всех сторон, и лишь Венера слабо брезжила из глубин космоса, пристально и бесстрастно наблюдая земную жизнь. И что ей было до какого-то там Тихона и его переживаний, связанных с семнадцатилетней беременной девчонкой, волею случая оказавшейся соучастницей его загородного одиночества.

V

Вернулся Тихон примерно через час, когда костер окончательно погас и лишь угли смутно просвечивали из золы. Полог в палатку был прикрыт, и там, за этим пологом, стояла такая тишина, словно бы в палатке никого не было. Осторожно обойдя оставшуюся кучу дров, Тихон нашел свой рюкзак и удивленно застыл над его неожиданной пустотой. Он пошарил вокруг, но спальника не было, и в это время из палатки его окликнула Лена:

– Тихон, это вы?

– Да...

– Боже мой, что же это вы такое делаете? – горячо и обиженно прошептала Лена, и Тихон представил, как сузились ее горячие карие глаза, пересеченные вертикальными, как у кошки, зрачками.

– А что я делаю? – напугался Тихон...

– Где вы пропали? – голос у нее стал капризно-плаксивым. – Разве можно так: ушли, бог знает куда, и оставили меня одну. А я что только не передумала за это время... Тут кто-то все время скребется возле палатки и нюхает – я думала, что с ума сойду... Больше не делайте так, хорошо?

– Хорошо, – Тихон и в самом деле почувствовал себя виноватым.

– И приходите скорее... Я ваш спальник сама из рюкзака достала... Это ничего?

– Н-ничего, – Тихон растерянно выпустил рюкзак, и он с шорохом упал на землю.

– Вы слышите? – встревожилась Лена. – Что это?

– Рюкзак упал, – севшим голосом откликнулся Тихон.

– Идите же скорее! – нетерпеливо приказала Лена. – А то я ни за что не усну. – Она тихо засмеялась: – Или вы меня боитесь? Не бойтесь – я не страшная, да и постелила вам в самом уголочке...

– Я не боюсь – чего мне бояться? – пробурчал Тихон, на самом деле едва справляясь с дыханием, едва проталкивая слова сквозь пересохшие губы. – Мне что-то пить хочется... Вы чайник куда поставили?

– Чайник? – удивилась Лена. – Да зачем вам чайник, выпейте лучше пива...

И он с радостью ухватился за эту мысль. Отыскав бутылку, Тихон запрокинул голову и опорожнил ее на одном дыхании. Потом, смиряя удары сердца, прислушался: Тихону было сладко и тревожно медлить именно в эти минуты, когда он уже почти наверняка знал, что произойдет дальше...

– Ну, где же вы там?

– Иду, – сухими губами проскрипел Тихон, и как бы со стороны увидел себя и в самом деле идущим к пологу палатки, тяжело темнеющей от выпавшей росы.

– Только хорошо закройте палатку, чтобы мы утром не замерзли, – попросила Лена, и Тихон про себя отметил, как интимно и многозначительно звучит это «мы».

По голосу он определил, что она лежит в левом углу и, пересиливая что-то в себе, ломая это что-то, полез в правый угол, уже стыдясь и спазм, перехвативших горло, и лихорадочного стука сердца.

– Где вы? – он почувствовал, как ее рука шарит в темноте. – Я боюсь одна... Мне холодно...

И столько наивной беспомощности прозвучало в ее голосе, так он был прост и греховен, такие малиновые подголоски слышались в нем, что Тихон, до боли сжимая зубы и крепко жмуря глаза, с коротким, беспамятным стоном посунулся в ее сторону, обнимая и притискивая к себе мягкие, податливые плечи.

VI

– Ой-ой-ой! – смеясь, говорила она. – Какой же вы, Тихон, медведь... У меня все прямо болит, особенно вот здесь и здесь...

Она взяла его покорную руку и бесстыдно показала эти места.

– Какой-то вы тяжелый, как мешок.

Тихон, разметавшись на спине, счастливый так, как может быть счастлив мужчина после первой близости с понравившейся женщиной, блаженно улыбался, готовый на все ради этого полужнакомого и греховно-родного для него теперь существа.

– Тихон, вы почему молчите? – насторожилась Лена.

– Да просто так, – мечтательно улыбаясь, ответил он.

Видимо, она почувствовала состояние Тихона, слегка придвинулась и опустила голову на его грудь.

– Тихон, вам было хорошо со мной, да?

И он, чумая от ее детской непосредственности, показавшейся ему вполне естественной, крепко и благодарно обнял Лену, жадно вдыхая горьковатый запах дыма от ее растрепанных волос.

– Д-да! – сквозь стиснутые зубы горячо прошептал он...

– Ой, Тихон, уже светает, – устало сказала она под утро, мягко, но настойчиво освобождаясь от его объятий. – Ночь пролетела, а мы так и не поспали...

– К чёр-р-рту сон! – приподнимаясь на локте и сясь разглядеть ее лицо, решительно объявил Тихон. – Разве можно спать в такую ночь?!

– А Валерик? – вдруг спросила она. – Вы забыли? Он же сразу поймет, что мы с вами не спали всю ночь...

– Валерик? – машинально переспросил Тихон и громко захохотал. – К черту твоего Валерика! Пусть приезжает и смотрит сколько угодно... Вал-ле-е-ерик, – передразнил он.

– Что вы этим хотите сказать? – сразу насторожилась Лена, и Тихон почувствовал, как напряглась и отдалилась она от него. И еще его неприятно удивляло, что она упорно говорит ему «вы».

– Лена, Леночка! – Тихон порывисто сел на своем спальнике. – Хотите все начистоту?

– Конечно! – живо откликнулась она.

– Ведь мы с вами здесь не случайно...

– Как это? – удивилась Лена.

– Да так... Только, чур, в обморок не падать.

– Со мной этого не произойдет, – твердо пообещала Лена, еще немного подвигаясь – теперь уже от Тихона, и удобнее устраиваясь где-то там, у себя в углу.

– Вот и отлично! – Тихона все еще не покидало приподнятое, по щенячьи восторженное настроение. И он рассказал ей все, даже о самом последнем предложении Валерки – немного поволочиться за молоденькой девчонкой... Наконец, он умолк, ожидая реакции Лены на свои слова, но она безмолвно лежала в своем углу.

– Лена, вы спите? – не выдержав, спросил Тихон.

– Нет, конечно, – спокойно ответила она и, немного погодя дрогнувшим голосом добавила: – Я всегда знала, что Валерик – хорошее трепло... Но он все равно классный... Правда, Тихон?

Тихон опешил. Он даже не нашелся, что ответить на это. Он ожидал, что на Валеркину голову сейчас же посыпятся угрозы и проклятия, и даже приготовился слегка защитить его, поскольку чувствовал не бескорыстность своего рассказа, и вдруг вместо всего этого – «Вале-

рик все равно классный», да еще и сказанное убийственно спокойным тоном. И он, теряясь от неожиданной реакции Лены, совершил еще одну глупость, спросил ее:

– А как же теперь с этой... ну, беременностью?

– А никак! – легко ответила Лена и вдруг засмеялась: – Пусть вас это не беспокоит, Тихон. Зачем вам это? Мы с Валериком сами разберемся...

– Да мне-то что, – окончательно глупея, и с ужасом понимая, что Лена неудержимо отдаляется от него на невозвратное расстояние, пробормотал Тихон. – Я это только так спросил, для твоей же пользы...

К стыду своему он вдруг понял, что эта семнадцатилетняя девочка или в сто раз умнее его, или же сам он безнадежно отстал от современной молодежи, которая, в отличие от него, не только другую музыку слушает, но и живет по-другому. Именно из-за этого отличия Лена вдруг стала ему еще дороже и ближе: до горячего жара в груди, до пощипывания в глазах. Тихон тяжело подался к Лене, уткнулся головой в ее мягкий, теплый живот и бессвязно забормотал:

– Лена, Леночка... Я вас... Я все для вас... Я никогда не вспомню... Мы вместе все забудем. Леночка, поедem со мной... У нас хорошо, честное слово... У нас дом большой, под железной крышей. А если отдельно захочешь – пожалуйста: главному электрику всегда квартира найдется... Лена, Леночка, – бормотал Тихон, постепенно поднимая голову все выше, чувствуя, как не сразу, но начинает реагировать на его слова Лена, как медленно и неуверенно гладит она его жесткие волосы, изредка вздрагивая хрупким телом. – И никто не узнает, от кого у нас родится этот ребенок... Я детей люблю, Леночка, мне все равно – чей он там... Я буду знать, что он твой, и этого мне достаточно...

– Зачем, Тихон, зачем? – целуя его в губы, взволнованно ответила Лена. – Я же люблю Валерика... Я его очень-очень люблю, разве вы этого не понимаете? – Она сильно и требовательно потянула его к себе. – Тихон, Тихон, – смеясь, шептала она, – какой вы большой и глупенький... Нет, честное слово...

VII

Окончательно рассвело и дневные ощущения совсем не походили на ночные. Опустошенный и жалкий, Тихон уныло лежал в своем углу, стыдясь повернуть голову в сторону устало разметавшейся во сне Лены. Как ни старался, он не мог определить свое теперешнее состояние: с одной стороны, он был счастлив и мог, при желании, еще усилить это счастье, а с другой – Тихон отлично понимал зыбкость и временность этого счастья... Но еще больше угнетало Тихона сознание, что никакой силой он не в состоянии удержать эту девочку возле себя. Сейчас это сознание только зарождалось в нем, и Тихон с ужасом думал о том часе, когда оно достигнет вершины... Вот она, лежит рядом, загорелая, красивая, и он волен делать с нею все, что угодно, и в то же время он совершенно не властен над нею. Как это понимать? Как объяснить?

Тихон болезненно сморщился, непроизвольно раскачивая головой.

– Что с вами, Тихон? – сонно спросила Лена.

– Ничего...

– Вы все?

– Что?..

– Больше ничего не хотите?

Он хотел... Он очень хотел придушить ее сейчас же, немедленно, но вместо этого холодно и раздельно ответил:

– Я... больше... ничего... не хочу...

– Знаете, тогда вам лучше перебраться к костру.

– Почему это?

– А вдруг Валерик придет? Вы вместе со спальником там устройтесь и поспите, а я здесь посплю... Хорошо?

Тихону так хотелось закричать: к черту Валерика! К черту этого приторного бабника... И спросить ее, неужели она не видит, кто такой на самом деле Валерик? Но ничего этого он спрашивать не стал, смутно догадываясь, что все слова и вопросы будут напрасными...

– Приятного сна, – с плохо скрываемым раздражением пожелал Тихон.

– А-а, это еще вы, – с трудом приоткрыла она глаза. – Спасибо...

Он выбрался из палатки в тот самый момент, когда солнце показалось над гребнем далеких гор. И было это вспучившееся из небытия светило таким чистым и ярким, так молодо и энергично взбиралось оно по невидимой паутинке в синий простор небес, что Тихон на мгновение забыл о всех своих ночных переживаниях. А еще через секунду ему нестерпимо захотелось, чтобы и она, эта так и не понятая им молоденькая девочка, увидела несравненное чудо – рождение нового дня. Бросив спальник у серого пепелища костра, Тихон вернулся к палатке и, откинув полог, позвал ее:

– Лена, вы спите?

– ...

– Лена, проснитесь на минутку...

– Что такое? – не открывая глаз, возмущенно прошептала она.

– Вы только посмотрите, какой на улице рассвет! Вы, верно, никогда не видели такого, – Тихон даже не заметил, как вновь перешел на «вы». – Лена!

– Слушайте, Тихон! Идите вы вместе с вашим рассветом знаете куда... Я спать хочу, вы это понимаете или нет? – со злой плаксивостью проговорила она и отвернулась в угол палатки.

И Тихон в растерянности отступил.

С каждой минутой солнце набирало силу, и пока Тихон расстелил спальник, положив под голову рюкзак, оно, огромное и красное, тяжело повисло над горизонтом. И чем выше

поднималось оно, тем меньше и ослепительнее становилось, довольно быстро иссушая росу на пологе палатки.

VIII

Тихон открыл глаза и рывком сел в спальнике. Тяжело переводя дыхание и слыша гулкие удары собственного сердца, он вначале увидел блестящую никелем машину, а потом уже смеющегося Валерку, стягивающего с себя майку.

– Ну, брат Тихон, ты и спишь! – удивился Валерка. – Поднимайся, несчастный, и смотри, что я привез... – Валерка выволок из багажника огромный полосатый арбуз и выжидающе уставился на Тихона. – Ну и как?

– Здорово, – Тихон полез из спальника, не в силах встречаться с Валеркиным взглядом.

– Знаешь, сколько он весит? – гордо спросил Валерка, вслед за арбузом извлекая из хозяйственной сумки обильную снедь...

«Неужели он и в самом деле ее не любит? – сворачивая спальник, думал Тихон. – Неужели он не видит, какая она! Приехал и рассказывает мне про арбуз. Ему и дела нет, что мы вдвоем провели здесь ночь... Да, наверное, не любит... А она его? Вот такого, узкоплечего, без единого волоска на груди, в смешно сидящих на нем плавках? Черт их тогда поймет, баб этих, если они таких вот любят».

– Что ты такой квёлый? – вдруг заметил Валерка настроение Тихона.

– Не выпался.

– А ты что, здесь, у костра, всю ночь кемарил? – удивленно спросил Валерка.

– Ну, а где же еще...

– Вот чудак! – Валерка захохотал. – Рядом палатка, все триста двадцать удовольствий, а он у костра погибает... – Валерка вдруг понизил голос и кивнул на палатку: – Ну и как она?

– Что? – Тихон невольно вздрогнул.

– Как она, говорю, реагирует?

– А никак... Женить тебя хочет на себе, – с мстительным удовольствием ответил Тихон. – На меньшее не согласна...

– Да ну! – Валерка нахмурился. – Так и говорит?

– Примерно...

– Вале-е-е-рик, – послышался тягучий, обрадованный голос из палатки, – ты уже приехал? А почему не идешь ко мне-е?

– Ладно, брат Тиша, – разводя руки, прошептал Валерка, – потом договорим...

– Иди-и сюда, – томно позвала Лена, – я соску-у-училась...

Тихон побледнел и быстро пошел вниз по косогору, по которому всего несколько часов назад поднимался вместе с Леной. Он не хотел, но все-таки думал о том, что сейчас происходит в палатке, втайне не веря, не в силах поверить в то, что Лена с Валеркой может быть такой же, какой была с ним...

Тяжело усталый, нисколько не взбодренный холодной ключевой водой, Тихон медленно и неохотно возвращался к стану. Солнце, взбираясь все выше по невидимой нитке-паутинке, начинало припекать, и Тихон машинально определил, что теперь никак не меньше одиннадцати часов утра. Постепенно стихали голоса утренних птиц, лишь сизый дрозд настойчиво продолжал выводить свою мелодию, да далеко в лесу дважды прокуковала кукушка.

– Ты где пропал, брат Тихон? – недовольным голосом встретил его Валерка. – Мы тут давно все приготовили, слюнки пускаем, а он... Давай, садись скорее!

Тихон подсел к «скатерти-самобранке», стараясь находиться пообочь от Лены, чтобы не встречаться с нею взглядом, и вообще – не видеть ее счастливое, улыбающееся лицо.

– А Ленка на тебя обижается, – сказал Валерка, разливая сухое вино в стаканы.

Что-то внутри Тихона охнуло и оборвалось, и он поспешно отвернулся, якобы удобнее устраиваясь у стола...

– Говорит, – продолжал безмятежно-довольный Валерка, – что ты мало внимания ей уделял, все убегал куда-то... Что же это ты, брат Тиша, женщину одну посреди ночи бросаешь? Нехорошо... А вообще-то, – вдруг покосился на Лену разговорившийся Валерка, – кто вас знает, чем вы тут на самом деле занимались, пока я машину ремонтировал? Но это – потом... С этим я отдельно разберусь... А сейчас – давайте выпьем... Давайте выпьем за настоящую дружбу и любовь! – с пафосом воскликнул Валерка, чокаясь стаканчиком с Леной и Тихоном...
– А со мно-ой?

Тихон вздрогнул от неожиданности, оглянулся и встретился с прямым взглядом круглых смеющихся глаз. Какое-то странное выражение этих глаз на мгновение словно бы загипнотизировало его. И лишь потом, много позже, Тихон понял, что за долю секунды он в ее вертикальных зрачках успел разглядеть улыбчивую насмешку, которой его спутница по июньской ночи как бы говорила: мы-то с вами хорошо знаем, как все было на самом деле, но никогда и никому об этом не расскажем...

Запрокинув голову, Тихон одним махом выпил вино, с презрительным любопытством прислушиваясь к тому, как что-то истончается и стекленеет у него в душе.

Принцесса северного сияния

Дочери Анастасии

I

На улице пуржит, и в доме тем уютнее, чем сильнее бьются в стекла порывы ветра, с порохом рассыпая снежную крупу. Макушки тополей вздрагивают от этих порывов и тянут к окну бледно-зеленые, словно бы выгоревшие на солнце, голые ветви. Возле табачного киоска, который виден из кухонного окна, останавливается высокий мужчина в лисьей шапке. Он достает деньги из внутреннего кармана и протягивает в окошечко. Получая взамен блок сигарет и сдачу, мужчина неловко принимает деньги, и ветер тут же вырывает из его рук одну бумажку. Она, переворачиваясь, летит вначале по воздуху, затем падает на черный, выметенный дворником, тротуар и несется куда-то в сторону реки. Мужчина, сделавший за нею несколько шагов, безнадежно машет, плотнее запахивает утепленное кожаное пальто и торопливо пересекает улицу. Тетя Нина из табачного киоска приоткрывает дверь и поверх очков смотрит вдоль тротуара. Но бумажку даже с пятого этажа уже не видать. И тетя Нина, сердито поправляя очки, с треском захлопывает дверь. Маленький серый комочек, притаившийся за асбестовой трубой, сквозь которую протянуты в деревянный киоск электрические провода, испуганно взмахивает крыльями, и его тут же сносит ветром на молодой тополек. Распушив перья, воробышек недовольно встряхивается. И вновь только снежные змейки струятся по черному асфальту, да изредка пробегают осторожные машины, подслеповато глядя в улицу залепленными снегом фарами...

Настёна вздыхает, поправляет на плечах теплую шаль и, подперев мягко-округлый, почти детский еще подбородок, вновь смотрит в окно. Теперь ее внимание привлек дядя Вася из соседнего дома. Он на своей инвалидной машинке заехал в небольшой сугроб, который намело возле детской площадки, и никак не может выехать из него. Смешная с виду машинка вздрагивала, дергалась, пытаясь вырваться из внезапного плена, и вместе с нею вздрагивала и раскачивалась Настена у окна. Наконец, словно выбившись из сил, машинка затихла, распахнулась широкая низкая дверка, и из нее вывалился на снег безногий дядя Вася. Сутулясь из-за костылей под мышками, он посмотрел под колеса, достал лопату с короткой ручкой и, присев на култышки, начал потихоньку копать. Коротенькие костыли торчали в снегу, и было как-то странно и нехорошо на них смотреть. Потом из подъезда выбежал молодой и сильный парень в синем спортивном костюме с белыми, широкими лампасами. Он, как показалось Настене, шутя подтолкнул машину плечом, и она выкатилась на ровное место так охотно, что ему даже пришлось придержать ее. Дядя Вася, вновь повиснув на своих почти детских костылях, снизу вверх протянул руку парню и потом ловко вскочил в машинку. Из тонкой выхлопной трубы выплеснулся сизый дымок, машинка дернулась и покатила по двору. Молодой и сильный парень проводил ее взглядом и убежал в свой подъезд. Узкие колеи, оставшиеся от колес в сугробе, задымились под снегом, и очень скоро затянулись им, словно лейкопластырем...

Настёна вновь поправляет шаль на плечах. Вместо левой, она опирается подбородком на правую руку, и в это время в зале звонит телефон. Настена вздрагивает от неожиданного звонка, спрыгивает с табурета, на котором стояла коленями и, чувствуя, как покалывает затекшие ноги, не спеша идет к надрывающемуся от звонков телефону.

– Да, – тихо говорит она в трубку и смотрит при этом на небольшой пейзаж Айвазовского, помещенный в небрежно сбитую рамку, покрашенную золотистой краской.

– Настенька, доченька, – слышит она голос матери, – ты пообедала?

– Конечно, – отвечает Настена.

– А что ты ела?

– Грибной суп и салат.

– Вот и молодец, – вздыхает мама. – А уроки приготовила?

– Нет еще...

- Что же ты делала?
- В окно смотрела, – все так же тихо отвечает Настена.
- Ну и ладненько, – растерянно говорит мама. – Но ты все-таки про уроки не забывай...

Хорошо?

- Хорошо, я не забуду.
- Ладно, доченька, меня зовут...
- А на дачу мы едем? – Настена упорно и сосредоточенно рассматривает морской пейзаж.
- На дачу? Не знаю, в такую погоду вряд ли... А ты хочешь на дачу?
- Да...
- Ты ведь знаешь, это надо с отцом решать... Все, Настюха, до вечера.
- До вечера.

Настена положила трубку на рычаг, подошла к картине и потрогала то место, где на морскую гладь падает пучок света от невидимой луны. Но она ничего не почувствовала от этого прикосновения, только шероховатую поверхность кем-то сделанной копии...

Минут через двадцать телефон зазвонил вновь. На этот раз она услышала голос Миши Горелкина, и несколько оживилась, что было заметно, впрочем, лишь по проступившему румянцу на ее бледных щеках.

- Настя, ты опять сонная?
- Нет.
- Что-нет! Я же слышу.

– Я во сне по телефону не разговариваю, – очень серьезно ответила Настена и присела на тахту рядом с телефонным аппаратом.

- Ладно, не разговаривай, – видимо, Миша ухмыльнулся. – Вы на дачу едете или нет?
- Не знаю... Мама говорит, что в такую погоду вряд ли.

– Какая погода?! – вскипел Мишка. – Нормальная погода... В лесу сейчас тишина, только белки по веткам прыгают. Я не понимаю...

- А вы едете? – перебила его Настена.
- Конечно! Я, в случае чего, один поеду.

Вытянув округлые в коленях ноги и внимательно разглядывая тапочки с азиатским орнаментом, Настена спокойно сказала:

- Ишь ты, герой какой нашелся...

– В общем, вечером созвонимся, хорошо? А то у меня тут трубку вырывают, – послышался неясный шум, какие-то хлопки, а потом вновь пробилась насмешливый Мишин голос: – Кирка-пробирка будет говорить...

- Настенька, здравствуй, – протяжно-ласково поздоровалась Кира.
- Здравствуй, Кира, – ответила Настя.

– Ой, Настенька, мне тебе надо столько-сколько сказать, но при этом изверге разве можно спокойно поговорить по телефону...

- Тогда до завтра, да? – Настена живо опустила трубку.

II

На следующий день после обеда, когда низкое солнце, перевалив зенит, стало заглядывать в окна и в комнатах рассеялся тот особенно приятный зимний свет, которому радуешься, возвращаясь домой, уже с порога, Настена, вновь облокотившись на подоконник, смотрела на улицу. Метель прошла. Еще утром, когда она уходила в школу, суматошно раскачивались ветви тополей, и гремела водосточная труба над хлебным магазином, оторванная штормовым ветром в самом начале осени. Пронзительно-колючий, настывший во льдах и снегах порывистый ветер трепал полы ее шубки, раскатывался по теплым щекам, незаметно пробираясь под вязаную шапочку и что-то холодное, бесчувственное нашептывал в порозовевшие уши. Настена приподняла было руки, чтобы отогреть уши, но побоялась задавить этот шепот, такой тихий и беспомощный, как слепые котята, народившиеся у соседской одноглазой Мурки. А теперь вот ничего этого уже нет... Никуда не бежит ветер, на ходу подметая коробочки от мороженого, не хлопают плакаты с белыми буквами над зданием метеослужбы, не прячутся от его неловких, колючих прикосновений прохожие люди... Прохожие потому, что они проходят и проходят мимо дома, а люди – потому что все они – Че-ло-ве-ки... Все, кроме одного – Мишиного папы...

– Настенька, доченька! – кричит из комнаты мама. – Ты уже собралась?

– Нет, – Настена глубоко вздыхает.

– Ну как же, доченька, – мать, уже в брючном костюме, с рюкзаком в руке, заглядывает на кухню. – Скоро папа приедет, а ты еще даже не переделалась.

Мама у Настены красивая. И зовут ее очень хорошо – Александра Николаевна. Она работает диктором на телевидении. Настена думает, что таких красивых дикторов, с таким приятным родным голосом и большими добрыми глазами нет даже в Москве. И за Москвою – тоже. И вообще нигде больше нет. Так она думает уже давно, четырнадцать лет.

– Доченька, вот твой лыжный костюм, переодевайся скорее... Что ты на меня так смотришь? Ты же в этом костюме поедешь?

Минут через десять Настена видит в окно, как подъезжает отец на белых «жигулях». Он всегда ездит очень осторожно и держится только правой стороны. Наверное, это потому, что папа у Настены близорукий человек... «Жигули» медленно разворачиваются и замирают у самого подъезда, перекрыв узкий проезд вдоль дома. Настена знает, что едва папа поднимется в квартиру, как ему начнет длинно и зло сигналить какой-нибудь таксист, и тогда он, роняя в прихожей вещи, сорвет с вешалки пальто и пешком бросится вниз...

– Доченька, папа уже приехал?

– Да.

– Покричи ему в форточку, чтобы он не ставил машину возле подъезда. Только осторожно, не простудись...

Настена видит, как ее папа вновь достает ключи и долго возится, открывая переднюю дверь машины.

Деревья, уставшие от ветра, понуро и терпеливо ждут весну. И даже сегодняшнему солнцу они совсем не рады, потому что оно не греет, а только светит, как настольная лампа. Можно было бы подумать, что деревья с осени спят, как медведи в берлогах, но Вилена знает, что это не так...

Отец уже поставил машину возле мусорных баков, где была небольшая бетонированная площадка. Он вытянул и поднес к глазам руку, а потом быстро пошел в подъезд.

– Доченька, – опять зовет мама. – Достань, пожалуйста, из холодильника пакет с мясом, а то мы его забудем. И положи в корзину хлеб.

Деревья оживают, когда на них садятся птицы, пусть даже самые маленькие, как эти вот суетливые и любопытные синички. Вилена это очень хорошо видит: ветви у тополей становятся мягче, кора теплеет, и бесконечно долго пружинит какая-нибудь веточка, радостно раскачивая крохотную птицу с хорошеньким зеленым брюшком и черным клювиком. А когда синички начинают прихорашиваться, поочередно приподнимая крылышки и выщипывая из-под них дневную усталость – деревья улыбаются им. Этого нельзя увидеть, как нельзя увидеть глубину моря на картине Айвазовского, это можно только почувствовать...

– Настенька, папа пришел? Налей ему чаю и сделай бутерброд.

Папа пьет чай с бутербродом и читает газету «Известия». И уже никто не говорит ему о том, что это вредная привычка. Папу зовут Эрнест Иванович. Когда-то, очень давно, жила его бабушка эстонка. Мама говорит, что Настена страшно похожа на нее. Папа преподает философию в институте. Они учились вместе с мамой в Московском университете, и еще с ними учился Мишин папа. Они все там и познакомились...

– Настенька, доченька, ты что обуешь – валенки или сапоги?

Тетя Нина из табачного киоска опускает на окна деревянные щиты и запирает дверь. Суббота. У нее короткий рабочий день. Подбегает какой-то маленький человек в заячьем треухе и начинает размахивать короткими руками. Тетя Нина вновь открывает киоск и дает ему пачку сигарет. Маленький человек убегает, а тетя Нина долго возится с замком, опечатывая киоск...

– Спасибо, доченька, – говорит отец, – очень вкусный бутерброд.

Наверное, была у отца эта бабушка эстонка, потому что он как-то странно выговаривает все слова с буквой «ч». У него за этой буквой всегда угадывается звук «э». Может, это потому, что страна его бабушки тоже начинается с буквы «э»?

Звонит телефон, мама снимает трубку, и уже только по тому, как она говорит: «Да, мы готовы... Да, уже спускаемся вниз», Настена догадывается, что она разговаривает с Мишиным папой. Никогда больше не становится у нее голос таким неестественным и противным, каким он бывает, когда она разговаривает с Мишиным папой...

III

– Настенька, девочка, ты так повзрослела – я тебя не узнаю...

Это мамина подруга, Аглая Федоровна, редактор детских передач на телевидении. Наверное, поэтому ей кажется, что она хорошо понимает детей. А вот Настена давно уже знает, что Аглая Федоровна очень хочет выйти замуж. Теперь – за Феликса Купермана, которого они захватят по пути. Они бы, наверное, и еще кого-нибудь захватили, но больше нет места в машине.

– Что же ты хочешь – восьмой класс, – многозначительно вздыхает мама. – Ужасный возраст.

– Да, да, Сашенька, в таком возрасте...

Через лобовое стекло шоссе кажется гораздо ближе и опаснее. Невольно начинаешь тоже управлять машиной и даже дергаешь ногой, когда надо тормозить. Но зато здесь такой хороший обзор и можно совсем не смотреть на длинное, чернобровое лицо Аглаи Федоровны, как-то странно неподвижное, с хорошо заметными следами пудры на лбу и щеках.

– Даже сам Макаренко недооценивал всех отрицательных факторов...

Они пересекают площадь, сворачивают на проспект Космонавтов и мимо больших, многоэтажных домов, построенных совсем недавно, направляются в западную часть города. Здесь очень много заводов – больших и маленьких, городская тепловая электростанция, видная отовсюду своими огромными трубами, которые, словно действующие вулканы, день и ночь курятся жирными столбами дыма, горизонтально плывущими по небу. Настене кажется, что и люди здесь живут особенные, чем-то похожие на все эти заводы, вызывающие в ней настоящее уважение и непонимание. Почему-то она представляет, что завод – это множество больших котлов, под которыми горят яркие костры, а мимо котлов ходят маленькие люди в промасленной одежде и длинной кочергой помешивают огонь. О том, что находится в котлах – Настена пока еще не думала...

– А вон Феликс! – над самым ухом Настены вскрикивает Аглая Федоровна. – Вон, за остановкой... Эрнест Иванович, вы его видите?

– Да, конечно, – поспешно отвечает папа и резко тормозит прямо на проезжей части. Грузовик, едва успевший отвернуть в сторону, гневно сигналил и пронесся мимо.

– Гос-споди, Эрик, – говорит мама, – к обочине-то можно было прижаться?

Папа вздыхает и виновато молчит.

– Здравствуйте всем, – Феликс всегда говорит так.

Теперь мама сидит за папой, а Аглая Федоровна между нею и Феликсом Куперманом, маленьким лысоватым человеком, с выпуклыми синими глазами и слегка покрасневшими веками. Высокие и острые колени Аглаи Федоровны стоят чуть ли не на уровне его плеч, и когда Феликс заговаривает с мамой, он заглядывает на нее через эти колени, как через высокий забор. Вообще-то он смешной, Феликс Куперман. Он, например, сильно боится морозов и не любит работать: однажды мама попросила его наколоть дров, и он так долго собирался, что их наколот папа, пришедший от колодца с водой. Но взрослым с ним хорошо – он знает много анекдотов и со всеми умеет ладить...

– Знаете, как Абрам ждал Сару на остановке? – спрашивает Феликс, стаскивая с головы шапку и расстегивая ворот дубленки. – Сара, значит, сказала ему: встречай меня, Абрам, после работы...

Настену всегда волнуют и радуют маленькие теплые домики, мимо которых проезжают они на окраине города, Засыпанные снегом, приземистые, темные, они как-то доброжелательно и спокойно смотрят небольшими окнами на проносящиеся мимо машины. Настене кажется, что здесь живут особенные люди, никуда не спешащие. Вечерами они ходят друг к другу в

гости и так долго пьют чай из пузатых самоваров, что их носы становятся морковного цвета, а продолговатые, узкие лица – цвета вареной свеклы. Однажды взглянув на самовар, они замечают в нем свое отражение и потом долго смеются, показывая на него пальцем. А вечером, когда они уходят домой, где их ждут маленькие серьезные дети, эти люди обнимаются и раздают поцелуи, словно прощаются навек...

– Эрик, возле конечной остановки нас ждут Горелкины, ты не забыл? – на всякий случай спрашивает мама.

– Я помню, разумеется, – рассеянно отвечает папа, то и дело поправляя очки и дергая рычаг передач – пошел сложный участок с крутым подъемом.

Город, можно сказать, закончился. Сразу за подъемом промелькнули грязно-серые строения мясокомбината, несколько жилых домов из красного кирпича с двухскатными шиферными крышами и небольшая башенка с продолговатыми, узкими оконцами в самом верху. А потом – все. Речка. Мост. Горы песка, вытащенные на берег катера и баржи, неудобно лежащие на боку. Мелкие кустики приречной вербы, проточки и заливы, которые давно уже покрыты льдом: на нем неподвижными темными силуэтами горбятся над лунками рыбаки. И уже только после них начинается настоящий лес, который тянется далеко на северо-восток, пряча под хвойным покровом нарядно раскрашенные маленькие дачки, издали похожие на игрушечные домики, в которых живут скорее всего игрушечные люди...

– Горелкины! – вновь вскрикивает Аглая Федоровна, умудряющаяся все и всегда увидеть первой.

Едва они останавливаются, как подбегает Миша Горелкин (Угорелкин, зовет его Настена), веселый, возбужденный, в красной лыжной шапочке, лихо сбитой набекрень. Миша высок и у него уже обозначился темный пушок над верхней губой, который, как это ни странно, смешно молодит его. У Миши всегда какие-то дикие идеи: то он хочет на лыжах вернуться в город и зовет её с собою, то вдруг ночью уйдет втайгу, чтобы проверить свою смелость...

– Настя, к тебе же обращаются, – мама сердито толкает ее в плечо. – Ты что, не слышишь?

Настена открывает свою дверку, и Миша вместе с шумом дороги врывается в машину.

– Настюха, пошли к нам! – Миша берет ее за руку, чтобы помочь выйти. – Там и Кира тебя ждет...

Настена внимательно и долго смотрит на постепенно скучнеющего Мишу и наконец коротко отвечает:

– Нет...

– И почему было не пойти? – вслух недоумевает мама, когда они уже едут дальше. – Вечно ты, Настенька, с какими-то странностями...

Аглая Федоровна поспешно поворачивается к матери и прикладывает длинный палец к тонким губам, густо покрытым вишневой помадой, что должно, видимо, означать: тихо, не травмируй психику ребенка. Это сейчас очень опасно.

IV

Почему все говорят: «В лесу, как в сказке»? Да нет же – неправильно это! Лес – это и есть сказка. Самая волшебная и таинственная... Одна эта вот елочка чего стоит: высокая, серебристая, стройная, запорошенная снегом, она выросла обособленно от остальных, потому что очень красивая и, наверное, гордая. Конечно, каждая птица захочет посидеть на ней и каждый ёж укроется под ее низкими, разлапистыми ветвями, где у самого ствола так темно и надежно... Но это – летом, а сейчас? Чьи это следы насквозь прошивают полянку и скрываются под еловым сумраком? А вот и еще какие-то строчки на снежном покрывале, и чем ближе к елке, тем их больше. Мыши? Да, они... А здесь разгуливала сорока, заглянула под ель, кого-то испугалась и рванулась вверх, ударившись о ветку. С пушистой ветви водопадом просыпался снег, и ветка облегченно прынула от земли, разминая онемевшие древесные суставы...

Настена трогает еловую ветвь, потом склоняется над нею и пробует различить ее запах. Едва уловимо пахнет хвоей, смерзшимся снегом и слабым теплом, которое живет под тонкой зеленой кожицей внутри каждой иголки. Ведь не зря птицы так любят сидеть именно на живых растущих деревьях и редко когда сидят на сухостоинах.

А вон тот пенек – разве не сказка? Настена даже улыбнулась, разглядывая его. Стоит под большой снежной шапкой, кругляшки от срубленных сучков совсем как глаза и рот, лопнувшая кора в аккурат на месте носа, немного кривого и тонкого, но так даже лучше. Вид у пенька озорной, задиристый. И вот уже и самой Настене хочется поправить вязаную шапочку, подбочениться – ответить на молчаливый вызов, войти в эту сказку и узнать, кто это такой...

– Настенька! – кричит мама. – Ты куда пропала-а-а? Немедленно иди помогать!

Настена вздыхает, ласково проводит пальцами по шероховатой, грубой коже пенька, потом приседает и быстро пишет пальцем на снегу: «Я скоро вернусь». Эти же слова она повторяет шепотом и долго пятится от пенька, который на расстоянии из забияки превращается в уныло поникшего, кем-то обиженного мужичка. Конечно, ему не угнаться за красавицей елью, она и смотреть-то на него не хочет, для нее только солнце да колючие ветры поют нескончаемые песни, да манят далекие снежные вершины, куда даже ей навеки заказан путь...

– Доченька, разве можно так? – спрашивает мама. – Посмотри, все взрослые работают, только ты у нас бездельничаешь... Папа воды принес, печку растопил, мы с Аглаей Федоровной посуду перемыли, ужин готовим, Феликс вещи из машины принес, и только ты еще ничего не сделала... Почисть, доченька, картошку, а потом застели наверху постели свежими простынями. Хорошо?

Аглая Федоровна усиленно гремит посудой, усиленно не слышит то, что говорит мама, даже не смотрит в их сторону, и Настене сразу все становится ясно...

Она садится к печке, берет столовый нож и начинает чистить картошку. Вначале это занятие ей не нравится, и она нарочно большие круглые картофелины превращает в маленькие кубики. Но вскоре Настене попадает презабавная картофелина, чем-то смахивающая на Аглаю Федоровну. Она тоже какая-то плоская, с длинной головой на длинной шее, и у нее тоже торжественно-назидательный вид, словно бы картошка хочет всех научить, как надо из маленьких картошин выращивать настоящие крупные клубни... Вот только здесь надо немного подрезать, а здесь – проявить тонкие губы и обязательно так, чтобы верхняя накрывала нижнюю. А теперь можно поставить её на припечек и вволю посмеяться...

– Настенька, девочка, что это ты такая веселая? – подозрительно спрашивает Аглая Федоровна. – Тебе так нравится чистить картошку? Ну-ну, продолжай...

А вот эта круглобокая картофелина – чем не Феликс Куперман? Только надо сверху воткнуть спичку и на нее посадить тоже кругленькую, маленькую картофелину. И поставить вот так, рядом... Тогда совсем ум-мора...

– Хм, – поджимает тонкие губы Аглая Федоровна. – Тебе смешинка в рот попала? Смеяться одной, Настасья, в обществе взрослых считается неприличным. И знаешь почему? У взрослых может создаться впечатление, что смеются над ними...

Настена выбегает на крыльцо и здесь сталкивается с покуривающим сигаретку Феликсом.

– Настенька, дорогуша! – удивляется Феликс. – Первый раз вижу тебя такой веселой. Что произошло? Что стряслось в этом мире?

Феликс таращит на нее свои добрые рачьи глаза и всплескивает короткими руками, в самом деле, озадаченный столь бурным весельем. Но разве можно удержаться от смеха, когда после картофельного смотришь на живого Феликса? Когда у него такой вот кругленький живот, а у Аглаи Федоровны...

В спальне, расположенной на втором этаже, все еще холодно. Скрипят морозные половицы, густой пар валит изо рта, спину без шубки сразу начинают щекотать тонкие быстрые пальцы крепкого мороза, который через неделю, в следующую субботу, станет Дедом и придет на праздничную елку. Кружевницы, верноподданные мастерицы Деда Мороза, расписали окна в спальне тончайшим узором. Сложные линии, каждая из которых тоньше паутинки, замысловато переплетаются в неправдоподобно красивые картинки... Можно часами смотреть на это ледяное чудо, казалось бы, никаким силам неподвластное. Но вот уже первая капелька появляется в верхнем углу окна. Она потихоньку полнеет, набирается сил и скоро, уже очень скоро, вырвется из своего угла и прокатится по тонкой паутине льда, оставляя после себя светломолочную разрушительную полосу, которая протянется по стеклу, как метеорит по тунгусской тайге. Крохотный уголок, из которого вытаяла капля, начнет расти и постепенно опускаться вниз, начисто слизывая волшебное рукоделие. Но за ним, за этим пространством, освобожденным ото льда, проявится, как на фото пленке, целый мир: со снегом, тайгой, птицами и зверями и высоким белесоватым небом, наискось перечеркнутым истаивающим следом пролетевшего самолета...

– Доча, мама передала тебе шубу, – поднялся в спальню отец. – Надень, пожалуйста.

– Папа, – Настена пристально смотрит на него темно-синими глазами, – а как звали твою бабушку?

– Мою бабушку? – удивленно тычет указательным пальцем в переносицу отец. – Гм-м-м... Ее звали Регина Эрнестовна.

V

Ужинают они затемно. Электричество пока не включают, а зажигают сразу три толстые свечи: одну ставят на старый кухонный шкаф, вторую – в центре круглого стола, который служит на даче вместо обеденного, а третью свечу держит в руках отец, не в силах сообразить – куда бы ее пристроить. Огонь от свечей особенный, это Настена давно заметила: внутри свечного огня как бы есть еще один огонек, поменьше и бледнее. Но именно этот, внутренний огонек, если на него долго смотреть, вдруг превращается в самые различные фигуры. Однажды Настена разглядела там странную фигуру, отдаленно похожую на человеческую. Голова у нее была муравьиная, только больших размеров. И вот эта более чем странная фигура тоже внимательно смотрела на Настену... У нее были очень выпуклые глаза, даже нет, не так – глаза были выдвинуты вперед и медленно вращались вокруг своей оси, но внутреннее пятнышко зрачка оставалось неподвижным. Это потом Настена припомнила, что...

– Эрик, мы тебя ждем, – громко сказала мама. – В конце концов – поставь свечу на буфет... А ты, доченька, можешь включить магнитофон. Мы же отдыхать приехали...

– Да-а, можно вообразить, что сейчас творится у Горелкиных, – многозначительно сказала Аглая Федоровна.

– Что говорить – они отдыхать умеют, – вздохнула мама.

– Кстати, про отдых, товарищи... Приходит однажды муж домой и видит...

Музыку, которая сейчас звучит, Настена не любит. Особенно она не любит очень модную певицу, большеerotую, нахальную, заплывшую успехом. Настене больше нравятся тихие лирические песни, которые можно петь, не размыкая губ— про себя. Тогда успеваешь многое: петь и думать о деревенском вечере у маминой бабушки, когда на озере кричат гуси, а девочки уже идут с дойки и громко о чем-то разговаривают. Так было в прошлом году, летом, в деревне у небольшого озера, густо заросшего камышом, среди которого поселились водяные крысы – ондатры... Настена ходила в клуб, где молодежь устраивала танцы под магнитофон...

– Доченька, ты почему салат не кушаешь? Очень вкусный, между прочем. Аглая Федоровна его специально для нашего ужина приготовила.

– Дети сейчас – им не угодишь, – Аглая Федоровна высокомерно взглянула на Настену. – А вот они-то себе ничего не смогут приготовить, за это я ручаюсь. Столовские щи для них будут высшим мериллом кулинарного искусства.

– Возможно, что к тому времени щи будут иными, – заметил отец.

– Я очень сильно сомневаюсь... Феликс, вам еще положить салату?

– Да, конечно! Спасибо – очень вкусно, – скороговоркой выпаливает Феликс: у него смешно шевелятся (ходят по голове, как определила Настена) уши, когда он ест.

– Настенька, что за музыку ты поставила? – недовольно хмурится мама. – Мы же не на деревенских посиделках, право...

Вдруг на улице слышатся приглушенные хлопки, и вся комната наполняется тревожным зеленым светом, в котором покачиваются и плывут предметы.

– Это Горелкины! – вскакивает мама.

– Конечно, – убежденно поддерживает ее Аглая Федоровна. – Они-то прекрасно умеют отдыхать: с ракетами, лыжными вылазками... Ведь так, Феликс?

– О, да, конечно, – торопливо что-то дожевывая, отвечает Феликс.

У всех этих скрытых (якобы скрытых) упреков и намеков один-единственный адресат: отец Настены, который, конечно же, отдыхать не умеет, потому что более всего ценит на даче тишину, покой, уединение... Шум, гам, сюрпризы ему надоедают в институте, но этого никто не хочет брать в расчет.

Широко распахивается дверь и в комнату влетает весь вывалянный в снегу Миша Горелкин. Он сощуренно разглядывает сидящих за столом, потом весело смеется, блестя в полусумраке зубами, и торжественно говорит:

– А мы уже на лыжах поехали.

– Как – уже?! – В один голос восклицают мама и Аглая Федоровна.

– Да, – торжественно отвечает Миша. – Папа сказал, чтобы вы нас догоняли...

– А вы разве успели поесть?

– Давно, – Миша опять смеется. – Мама сварила пельмени...

– Вот видишь, – шипит и с упреком смотрит на мать Аглая Федоровна. – Люди пельмени поели, просто – пельмени! Зато теперь они уже на лыжах. А вот нам надо было обязательно потушить картофель, наготовить всего, как на свадьбу...

– Собственно, куда нам спешить? – пожимает плечами Феликс. – Лыжня за час не растает, вечер еще только начинается.

– Ах, как вы всегда спокойны, Феликс, – одними губами улыбается Аглая Федоровна.

– Молодой человек, можешь передать своим, – поворачивается Феликс к Мише, – что минут через сорок мы тоже будем...

Миша отыскивает настороженно прищуренные глаза Настены, подмигивает и, впустив целое облако морозного пара, исчезает за дверью.

VI

Луна. Такая огромная и близкая, словно хрустальный шар, внутри которого поставили зажжённую свечу, ту самую, что была в руках у отца... Молочный бледный свет, длинные прозрачные тени, крепкий мороз, хруст ломкого наста под лыжами, колючий воздух, обжигающий дыхание, звонкая невесомость тела, когда кажется, что стоит сильнее оттолкнуться лыжными палками и – полетишь с этого вот взгорка над лесами, лугами и рёлками в незнакомую и светлую даль, прошитую цветущими полянами и парным теплом летних ливней...

А все-таки – Луна... Не отвести от нее глаз. Так и пьёт и никак не напьётся взгляд ее светом, и уже трудно разобрать – кто кому нужнее и кто кого любит больше. И если луна, как пишут в умных книгах, естественный спутник земли, то кто для нее человек? Почему эти книги не скажут, что человек – естественный спутник луны? Не в том смысле, что попутчик, а именно – спутник. И если Земля – Мать человечества, то кем же приходится ему Луна? Надо будет спросить у отца – он все знает. Может быть, Луна – старшая сестра? А может...

– Настенька, доченька, не отставай! – кричит мама далеко впереди. Голос у нее радостно-возбужденный, звонкий и молодой, совсем не похожий на тот, каким она говорит дома.

Но вот уже и горка, с которой все они так любят кататься. Она довольно круто падает вниз, плавно поворачивает вдоль речки и постепенно упирается в щетинистую полосу леса, за которой пробита дорога вгород. Самое опасное – середина спуска, когда надо поворачивать вдоль речки... Хорошо спускаться по свежему снегу, когда скорости нет, тогда даже Настена с Кирой благополучно добираются до леса. А если, как сейчас, снег плотно сбит и утрамбован лыжами и морозом, когда он матово светится под луной и даже на взгляд кажется опасноскользящим и жестким...

– Держи-ись!

Сбоку, на скорости, на них налетает Миша. В последний момент он хочет затормозить, но не успевает, и Настена вместе с ним падает в сугроб. Нога неловко подвернута, палки где-то в снегу, и вообще ситуация – преглупейшая. Но вдруг у самого уха теплый ветерок, живой и скользкий, а потом такой же теплый шепот: «Наська, ты чего?»

– Ничего, – тихо отвечает она. – Больно ногу...

– Сейчас! Я сейчас...

Миша поразительно быстро поднимается на ноги и протягивает ей руку. А щека у нее горит, и как раз возле того уха, в которое... И Миша почему-то отворачивает лицо. Да что же это такое? Неужели он...

Миша срывается и отчаянно уносится вниз, поперечными проездами умело гася скорость, а Настена, сняв варежку, осторожно трогает то место, которое еще хранит горячее тепло Мишиного прикосновения.

Мама, Аглая Федоровна и Феликс барахтаются в снегу на повороте, и их свежие, веселые голоса далеко слышны. А снизу, навстречу им, поднимаются Михаил Васильевич и Мария Павловна Горелкины – Мишины родители. Впереди них с лыжами в руках торопится в гору Кира.

– Ну, дочка, поехали? – спрашивает отец. В спортивном трико он кажется выше и стройнее. Круглые очки его задорно взблескивают под луной, но Настена хорошо знает, как не хочется ему туда, вниз...

– Настя-я-а! – кричит снизу запыхавшаяся Кира. – Подожди, пожалуйста, меня-я-а...

– Поехали, – решается Настена. – Только, чур, я впереди...

– Хорошо, – обрадовано отвечает отец.

Перед поворотом, когда лыжи начали вырываться вперед, а Настена ногами как бы уже не успевала за ними, она зажмурилась и повалилась набок. И тут же рядом с нею тяжело упал отец.

– Как, дочка, не ушиблась? – встревожено спросил он.

– Нет.

– А я, слава богу, очки не потерял...

И так смешно было слышать в его голосе чуть ли не мальчишескую радость от этого обстоятельства.

– Настенька! Держи меня-я-я!

Кира уже успела надеть лыжи и теперь катилась вслед за ними, испуганно присев на корточки и чертя палками по снегу. Даже издалека было видно, как боятся ее расширившиеся от страха глаза... В самый последний момент, перед поворотом, она упала на бок, и силой инерции её перекувырнуло несколько раз. Взблескивая под луною, в воздухе мелькали отполированные снегом поверхности лыж, наконечники лыжных палок, смеющийся Кириин рот.

– Уф! – Кира перевернулась в последний раз и оказалась в аккурат подле ног Настены. – Наконец-то я вас догнала...

Еще раз они падают уже на самом повороте, а дальше не страшно, дальше – пологий спуск и лес, таинственно и тихо живущий среди ночи.

– Догоняйте! – задорно крикнула уже возвращающаяся в гору мама, когда они проезжали мимо по пологому спуску. – Мы будем наверху.

– Настенька, – щебечет неумолчная Кира, – нашему Мишке пришла повестка из военкомата. Представляешь? И он совсем заважничал. А это их просто в шестнадцать лет на учет берут. А у него такой вид, словно бы он завтра в армию уходит. Воображаешь? Когда он вчера сказал...

У Киры две маленькие черные косички с синими бантами, прыгающие по плечам, и круглые веселые щеки. Глаза узкие, цвета грецкого ореха, но такие маслянисто-живые, так жизнерадостны и всегда веселы, что от одного только взгляда на них Настену охватывает беспричинная радость.

– Он так и сказал? – тихо смеется Настена.

– Воображаешь? Но и это еще не все...

Луна поднялась ещё выше и искоса поглядывает на них, своих младших сестер, стоящих у самой кромки таинственного леса, из которого внимательно и весело наблюдают за ними чьи-то неотступные, блестящие глаза.

VII

Когда они возвращаются на дачу, из небольшой низкой тучи неожиданно просыпается снежная крупа. Ровный и сильный шорох заполнил лес. Сразу же все потемнело вокруг, и как-то по-особенному встревожил сознание этот бесконечный, словно бы переливающийся из одного сосуда в другой, шорох свернувшихся в комочки снежинок... Колющее прикосновение снежинок холодило лицо, а когда Настена подняла голову и попыталась разглядеть облако, из которого сыпался замороженный дождь, неприятная, царапающая боль заставила ее поспешно опустить глаза. Но длилось это всего лишь несколько минут, а потом и снег, и шорох скрылись в глубине леса. Не стало луны, нет шороха, и лишь доисторическая тишина томила землю, тепло и пушисто покрытую снегом...

– Настена! А-у-у! – далеко впереди кричат ей.

– Мы все идем к Горелкиным, – это уже мама, тем, ненавистным для Настены, голосом. Миша с Кирой давно уже на даче: их послали протопить камин и убрать со стола...

Едва Настена успела подумать о них, как по всему лесу разнеслось страшное шипение, вскоре сменившееся пронзительными звуками модной песенки, которую исполняла очередная временная царица эстрадных шлягеров. И лес уже больше не был лесом: приговоренный, растерзанный многократно усиленным голосом, он стал походить на обыкновенный городской парк, с масляными бумажками от пирожков, коробочками из-под мороженого, окурками, бранчливыми голосами подвыпивших горожан... «Наш Мишка во-от такой динамик привёз и на крыше поставил, – вдруг вспомнила Настена тихо-счастливый, заговорщицкий голос Киры. – Только это пока секрет. А то он меня убьет и под елкой похоронит...»

Музыка резко оборвалась, вновь послышалось шипение, потом какие-то щелчки и затем раздался неправдоподобно громкий, изломанный микрофоном, Мишин голос:

– Настена! Доченька! Сейчас же ступай к нам! – Миша не выдержал и засмеялся и уже своим, обычным, почти натуральным голосом добавил: – Настька! Иди скорее. Мы все тебя ждем...

А потом повалил снег. И сразу такой густой и плотный, что ближние ели словно бы размазались и поплыли по поляне. Снег рушился прямо, отвесно, крупный и пушистый, и легкая радость от его чистоты и невесомости переполнила Настену.

– А снег идет, – прошептала она слова давно услышанной песенки. – А снег идет...

Но в этот момент очередной шлягер ворвался в лес, разметал установившуюся было тишину и, пронизывая буквально каждую снежинку, плутая между полянами и елями, унесся в сторону автострады.

Нажимая на палки, Настена устало покатила к своей даче. Еще издали, между деревьями, она увидела слабый огонек, рвущийся сквозь замерзшее окно. И этот огонек в глубине снегопада, крохотный и теплый среди огромной пустыни зимней ночи, вдруг показался ей похожим на ту бесконечную глубину, которую угадала она в картине Айвазовского. И там и здесь угадывался целый мир, тайный и глубокий, в который так хотелось заглянуть. Что там, за этим пламенем, и что там – в толще светло-голубой морской воды?

Она вошла в дом, запыхавшись от бега, с красными щеками и узко сощуренными от света глазами. Горела на столе свеча, в стакане с водой плавали желтые дольки ее отражения, темно проступал квадрат окна...

– Настенька? – отец поднял на нее вопросительный взгляд.

И так беспомощны были его глаза за круглыми стеклами очков, так устало опущены слабо развитые плечи, и весь он так жалок был и беспомощен, в одиночестве коротающий минуты над какой-то ученой книгой, что Настена не выдержала и бросилась к нему. Обняв родную голову, захлебываясь от слез, она с силой прижалась к отцу. И отец, почувствовав далеко не

детскую уже жалость к нему, горячую и неожиданную ласку, приобнял дочь за холодные плечи, легонько погладил по спине, смущенно уклоняя голову и пряча готовые расплакаться глаза.

– Ну, дочка, успокойся, – наконец, сказал он. – И почему ты здесь, а не у Горелкиных?

– Я не хочу к ним...

– Напрасно, – вздохнул отец, наблюдая за тем, как Настя расшнуровывает и снимает задеревеневшие от мороза лыжные ботинки. – У них весело...

– Тогда почему ты сидишь здесь?

Настена вдруг почувствовала, как странно и незнакомо выговорился у нее этот звук, эта двойная закорючка, обозначающая букву «ч».

– Мне надо кое-что почитать... Я не успеваю просматривать литературу...

– Папа, а кто она была, твоя бабушка? – Настена, спрятав руки за спину, прислонилась к печке и оттуда пристально смотрела на отца.

– Как – кто? – растерялся от неожиданного вопроса отец.

– Кем она работала?

– А-а, – отец улыбнулся и поправил очки. – Ты вот о чем... Твоя прабабушка была прекрасной матерью и вела большое хозяйство. Она родилась в тысяча восемьсот девяносто девятом году – на стыке двух столетий. Понимаешь? Заканчивался девятнадцатый век и начинался – двадцатый... А ты, если все будет хорошо, доживешь до середины третьего тысячелетия...

– Папа, а мы в Эстонию когда-нибудь поедем?

– В Эстонию? – отец задумался и уже невнимательно, откуда-то издалека, ответил: – Да, конечно. Мы обязательно съездим в Таллин – по всей Эстонии поедем.

Падал снег.

VIII

...И еще перед сном у нее была одна тайная, сокровенная минута, совершенно не похожая на все остальные минуты в двадцати четырех часах суток. Эта минута, словно пограничный столб, стояла на страже реальной жизни, не впуская мысли и сознание на территорию сопредельной стороны – сна. Эта минута разделяла два совершенно противоположных мира: сознание и подсознание...

И что за чудо была эта минута! Настена, уже отсутствующая здесь, в своей комнате, и еще не присутствующая там, во сне, сказочной Принцессой царила над загадочным Межвременьем. Однажды она попыталась понять, что же это за царство такое, Межвременье, и вот что у нее получилось...

В глубине Северного Сияния есть никем еще не замеченная хрустальная Дверь. За этой Дверью и начинается ее царство, ее законная территория. Люди здесь не ходят и не летают, не разговаривают и не поют. Звуками, мелодиями пропитано все пространство этого царства, по которому бесплотно перемещаются подданные Настены – все ее родные и близкие. И сама она, не чувствующая веса, не знающая понятий тепла и холода, добра и зла, рождения и смерти, присутствует в каждом атоме этого пространства... Более всего Настена похожа на прозрачную снежинку, невесомо перемещающуюся вверх и вниз, вперед и назад. Блистая гранями, светясь и переливаясь, эта снежинка – лишь одна из многих, радостно и беспечно существующих в глубине Северного Сияния. Круговое вращение снежинок произвольно, ни от каких природных сил не зависит, а потому и не может служить поводом...

В этот момент распахнутая ветром форточка громко ударилась о наличник, и Принцесса Северного Сияния мгновенно оказалась вместо своего царства – на узкой тахте, рядом с печным дымоходом. Несколько секунд Настена непонимающе смотрит в темноту, однако морозный воздух из форточки быстро достиг ее постели, забрался под одеяло, вытеснив все тепло...

Настена вздохнула, выскользнула из мягких объятий чистой постели и в одной ночнушке, босиком, побежала к форточке, прилипая горячими ступнями к холодным половицам. Она вскочила на стул, стоявший под окном, потянулась к форточке, и в этот момент неожиданно услышала противный голос Михаила Васильевича Горелкина:

– Еще только две минуты, Сашенька, очень тебя прошу...

– Но... – и дальше было не разобрать приглушенный шепот матери.

– Да они уже давным-давно все спят, разве ты не видишь по окнам?

– ...

– Ты помнишь, о чем я тебя просил?

– ...

– Вспомни, пожалуйста.

– Нет, Миша, нет, нет! Я пошла домой, – голос у матери тот, ненавистный, без обычного тепла и душевности...

– Значит, ты не хочешь? – вдруг громко спросил Михаил Васильевич.

– Тс-с! – обмер материн голос. – Ты с ума сошел?

– Тогда, пожалуйста, ответь...

– Я подумаю, Миша. А сейчас – до свидания.

– Нет, еще одну минуту...

Потом там, под козырьком веранды, неясный шум, восклицания и тишина, очень напряженная тишина, в которой можно различить скрип поворачивающихся звезд, невидимых за обвальным снегопадом.

Прикрывая горло тонкой рукой, Виленка с треском захлопнула форточку, спрыгнула на пол и увидела в окно, как громоздкая фигура, напоминающая шкаф, сутулясь более обычного, поспешно пересекла двор и сразу за калиткой растворилась в снегопаде.

– Что там за шум, Настенька? – спросил из-за перегородки отец.

– Я проветривала комнату, – не сразу ответила Настёна.

– Да ведь и так холодно, – отец повернулся на диван-кровать. – Я даже думаю, не протопить ли нам на ночь печку?

– Папа, ты уже спишь?

– Нет... Я читаю, а что?

Настёна не ответила, поспешно забираясь под одеяло.

Она лежала с открытыми глазами, и предметы, расположенные в комнате, постепенно проступали из небытия. Письменный стол на двух тумбах, в которых нашли приют ее старые куклы и игрушки. Допотопный желтый комод с металлическими ручками в виде перевернутой створки морской мидии. Стул с необыкновенно высокой спинкой, сиденье у которого было обито натуральной кожей и так хорошо и вкусно пахло. Раньше этот стул находился в кабинете у отца, и она очень любила сидеть на нем и читать какую-нибудь умную книгу, составляя список вопросов на отдельной бумажке. Вечером, вернувшись из института, отец долго и подробно отвечал на каждый ее вопрос. И даже брошюру Фрейда, выпущенную в России еще до революции, он не отказался прокомментировать, хотя ей было тогда всего двенадцать лет... А потом купили новую импортную мебель и стул переехал сюда, на дачу. И здесь Настёне было уже не трудно отстоять его для своей комнаты. А еще шифоньер горбился в углу, привалившись фанерной спиной к простенку. На нем лежал разобранный подростковый велосипед со спущенными колесами, которые уже несколько лет никуда не ездили...

– Доченька, ты спишь? – различила Настёна встревоженный шепот матери.

Настёна слышала, как поднималась мать по деревянной лестнице на второй этаж, сопровождаемая бурными напутствиями чем-то взволнованной Аглаи Федоровны. Затаившись, Настёна легко отличила дыхание матери от дыхания снега за окном, и хорошо разглядела в темноте ее профиль, срезанный по пояс лестничным люком...

– Настенька, ты и в самом деле спишь? – вновь спросила мама.

– А в чем дело? – не выдержал и откликнулся из-за перегородки отец.

– Ох, извини, я тебя разбудила? – смущенно заговорила мать. – Я только хотела спросить, поужинали вы или нет? Там, в холодильнике, всего полно: холодец, сыр, колбаса...

– Спасибо, Саша, мы поели.

– Как-то нехорошо получается, Эрик, – вздохнула, наконец, мама. – Мы у Горелкиных, а вы здесь... Почему ты не пошел с нами?

– Я не хотел оставлять Настю одну.

– Но, возможно, пошла бы и она...

– Вряд ли... Ведь недаром же она так похожа на свою прабабушку... Извини, Саша, я хочу еще немного позаниматься.

– Да, конечно. – Мама выдержала длинную паузу и вдруг с горечью сказала: – А мне было так одиноко без вас...

Когда Настёна возвращается в покинутое Северное Сияние, она, к своему удивлению, обнаруживает там палача. Это было так странно и непохоже на ее царство, что она тут же решила вернуться назад. Возможно, Настёна так бы и поступила, вновь превратившись из Принцессы-снежинки в обыкновенную Настёну, если бы в последний момент не разглядела жертву палача. Что-то огромное, темное, похожее на шкаф, неуклюже скользило по пространству Межвременья, и все хрустально-прозрачные снежинки презрительно сторонились его. Настёна отвернулась и безмятежно поплыла по кругу, а когда вновь взглянула на жертву палача – увидела лишь большую грязную кучу снега, тяжело осевшую на задворках ее царства.

IX

– Вы только взгляните, сколько за ночь снега навалило! – отдергивая штору, сказал утром отец.

Настена, выскочив из-под одеяла, бросилась к окну и на мгновение ослепла от нестерпимо белого сияния снега. А когда она еще раз взглянула на свой двор – не поверила собственным глазам... В небольшом сугробе посреди двора стояла высокая, пушистая елка, нарядно украшенная игрушками и щедро расцвеченная флажками и блестками...

– И елочка за ночь выросла, – задумчиво сказал отец. – Да сразу с игрушками, нарядная...

– Настенька, доченька, – сонно окликнула мама, – растопи, пожалуйста, печку, я сейчас встану.

Внизу, у печки, было почему-то особенно холодно и неудобно. Настёне все показалось здесь чужим и чуть ли не враждебным. Перед топкой небрежно валялась обувь Аглаи Федоровны, конечно же – сырая. Она даже не догадалась поставить свою обувь на припечек.

С вечера заготовленные сухие щепки охотно загорелись от крошечного кусочка бересты, и уже через пять минут из дымохода послышался ровный, упругий гул, который так любила слушать Настена. Все меньше становится дыма в топке, огненные завитки постепенно сливаются и вот уже единое пламя, синеватое внутри, выгнутое в сторону дымохода, туго бьется в кирпичные стены, облизывает чугунную крышу и, наконец, бросается к темному, закопченному выходу. Тяга слишком большая, и Настена слегка прикрывает вьюшку, чтобы тепло сгорающих дров успевало накалять хитрые проходы обогревателя, идущего колодцами вдоль всей печи. Про колодцы и обогреватель она знает потому, что прошлым летом вместе с отцом помогала старому печнику перекладывать печку...

– Настенька, так ты печку уже растопила? – удивленно спросил отец, спускаясь по лестнице. – В таком случае я пошел за дровами.

Вода, пролившись из чайника, сворачивается в маленькие мутные шарики и ошпарено катится по раскалившейся чугунной плите. Настена надевает шубку, шапку, на шею повязывает длинный шерстяной шарф, и в маленьких, аккуратных валенках выбегает на улицу. На веранде она сталкивается с отцом: высоко вскинув голову, почти ничего перед собой не видя, отец несет огромную охапку сухих березовых дров.

На улице свежо, чисто, снежно... Невысокое еще солнце в радужном ореоле – к морозу, который Настена хорошо ощутила почти сразу же: он пощипывает уши и щеки, заставляет прятать руки в карманы шубки.

Вокруг ёлки она видит слегка припорошенные следы: большие и поменьше. Все понятно – Кира увязалась за Мишей. Елка пока что почти как живая: еще ярко-зелены ее иглы, упруги широкие ветви, не шелушится и не осыпается кора. Но через неделю- другую она умрет, а затем, скорее всего, сгорит в их печке, как горят в ней сейчас березовые поленья, бывшие белоствольными деревьями. Глупо, конечно, устраивать сюрприз за счет погибшей елочки...

Настена медленно обходит елку, потом большими буквами пишет на снегу: «Неспасибо тебе!» Немного подумав, она решительно собирает ёлочные игрушки и этими игрушками выкладывает свои слова. Теперь даже издалека видно, что написано на снегу – «Неспасибо тебе!» На восклицательный знак ушла очень красивая, яркая сосулька...

Проваливаясь в рыхлом снегу, Настена медленно идет в сторону леса, но так и не доходит до него, потому что в валенки набился снег, растаял и вымочил ноги. Она поворачивает назад и видит, как сказочно-красиво выглядит сейчас их дача, по самые окна занесенная сугробами, с ровным, синим столбом дыма над острой двухскатной крышей из красной черепицы. А вон и окно ее спальни, вновь расписанное морозом...

Когда Настена заходит в дом, все уже встали, умылись и теперь сидят за большим столом, молча наблюдая за тем, как мама готовит яичницу с ветчиной.

– Доченька, ты не замерзла? – обеспокоенно спрашивает мама. Она уже гладко причесана, со слегка подведенными ресницами – красивая, строгая, какой бывает по вечерам на экране телевизора.

– Настенька, девочка, умывайся и садись за стол, – Аглая Федоровна доброжелательно смотрит на нее крупными, бесцветными со сна глазами. – Сейчас будем завтракать.

– Утром заходит в магазин один мужик и спрашивает, – начинает очередной анекдот Феликс...

Дрова в печке прогорели, и теперь она дышит ровным, устойчивым теплом. В комнате слегка пахнет угаром – от пролившегося на плиту жира. Хорошо бы сесть теперь на низкую скамеечку, привалиться спиной к теплому обогревателю и немного почитать Фенимора Купера. Представить себя на месте изящной и смелой Мэйбл Дунхен и избрать себе в спутники, конечно же, не Джаспера Уэстерна, а великодушного и доброго Следопыта, быть ему женой и дочерью одновременно, спасти его от старости... Как все было бы хорошо! Они бы поселились в большом двухэтажном доме на берегу Онтарио и по вечерам разжигали в гостиной большой камин...

– Доченька, иди кушать.

– Я не хочу.

– Как же – не хочешь? – всполошилась Аглая Федоровна. – Завтрак – не мамина прихоть. Завтракать надо обязательно, это непреложное условие для всякого, кто хочет сохранить свой желудок в здоровом виде...

– Аглая Федоровна права, – рассеянно поддержала подругу мама.

– А вы знаете, как солдат генералу яичницу жарил? – ухмыльнулся Феликс, разливая в фужеры сухое вино. – Он, значит, спрашивает генерала: вам яичницу приготовить или глазунью? Генерал глаза вытаращил: а какая, мол, разница? Да такая, говорит солдат, что когда глазунья – берут яйца и бьют о сковородку. А вот когда яичница – наоборот...

Завтрак проходит в неспешных разговорах, необязательных репликах, крутящихся все вокруг одного – предстоящей лыжной прогулки. Но уже ни у кого нет вчерашнего подъема, никто не горит желанием поскорее разделаться с завтраком и встать на лыжи. Даже Аглая Федоровна как-то сникла и стали заметнее мелкие морщинки в уголках ее глаз. Отец же и вообще неуверенно заметил:

– А я, собственно, хотел сегодня полистать журналы...

Но тут мама неожиданно категорично заявила:

– Эрик, в таком случае я тоже не иду не прогулку.

– Ох, уж эти мне прогулки, – тяжело вздохнул отец и пошел наверх переодеваться в лыжный костюм.

Х

Неумело размахивая палками, последним по лыжне уходит отец. Настена некоторое время медлит у калитки, а потом круто разворачивается в сторону леса.

Под грузом выпавшего снега отяжелели и сникли лапчатые ветви кедров. Густые вершины вечно моложавых пихт и елей оделись в пушистую кухту. А тонкие и ломкие на вид веточки берез превратились в волшебно искристые пряди из сверкающего инея и снега... На посветлевших липах и осинах яснее стали выделяться курчавые, зеленые шары омелы, похожие на большие птичьи гнезда, щедро усыпанные бусинками оранжевых плодов...

Однажды Настена сорвала такое «гнездо» и с любопытством переломила жирно-зеленую веточку, неожиданно упругую, со светло-волокнутой мякотью внутри. Что-то отталкивающее и неприятное даже на взгляд было в этой омеле, уже успевшей иссушить молоденький ствол поблекшей осинки. Морщась и страдая, Настена брезгливо отбросила ядовито-зеленый клубок, лохмато покотившийся на дно неглубокого оврага...

Когда Настена свернула на свою поляну и увидела безобразно высокий, в белых потеках содранной коры еловый пенек, она лишь глубоко вздохнула и долго смотрела прямо перед собою. Ей показалось, что лес потемнел, деревья сгорбились и отвернулись от нее, и даже старый пенёк, еще вчера так задорно-задиристо разглядывавший ее, поглубже надвинул снежную шапку, словно бы не желая встречаться с ее глазами. Настена вспомнила елку, стоявшую посреди их двора, вспомнила слова, выложенные игрушками с этой елки, молча развернулась и медленно побрела в сторону дачи.

– Настька! Ты где пропала? – встретил ее возле дачи весело улыбающийся Миша, поправляя красную шапочку, лихо сбитую набекрень. – Я уже весь лес объездил, а тебя нигде нет.

Настена молча прошла мимо него.

– Настя! Ты чего? – удивился Миша. Он забежал вперед и заступил ей тропинку.

– Ничего, – тихо ответила она.

– Кончай губы дуть. Поехали на горку.

– Ты читал? – спросила Настя, глядя мимо Миши.

– Что? – не понял он.

– Там, возле елки...

– А что там? – Миша удивленно покрутил головой.

– Сходи и прочитай.

Настена отстегнула лыжные замки, обошла Мишу и взошла на крыльцо веранды.

– А на горку? – крикнул Миша, растерянно шаркнув варежкой ниже носа.

Покачивался замок на дверной ручке, где-то в снегах утонуло короткое эхо, да сорвалась откуда-то небольшая стайка снегирей, веером разлетевшись по лесу.

XI

Домой они возвращаются поздно вечером. При свете фар дорога кажется незнакомой, ведущей в чужой город, с множеством домов, расцвеченных сквозь плоские окна всеми цветами радуги. И как-то не верится, что за всеми этими окнами находятся люди, очень много людей, отгороженных друг от друга тонкими кирпичными простенками, узкими дворами и широкими улицами...

Заканчивается выходной день, и люди торопятся прожить его, чтобы завтра с утра начать новый.

– Один профессор приходит в зоопарк, – говорит за спиной Настёны неугомонный Феликс, – и видит там шимпанзе...

Если сидеть с закрытыми глазами, а потом резко открыть их – огни домов как бы бросаются тебе навстречу, и тогда в самом центре этих огней можно разглядеть пугающе-тяжелую и призывную глубину картин Айвазовского... Люди давно подметили и любят сравнивать все необычное, мало понятное им с глубиной: глубокий простор, например, глубокая тишина, глубокий сон... Глубокий простор – это когда смотришь с вершины горы и видишь, как до самого горизонта петляет речка Грустинка, без усталости приглаживая мелкий приречный песок... Глубокая тишина – это когда под козырьком веранды вдруг замолкают мама и Мишин папа, так похожий на шкаф... Глубокий сон – это её Северное Сияние, её царство с верными подданными-снежинками, над которыми без конца и начала...

– Настенька, девочка, обязательно приходи на новогодний утренник, – Аглая Федоровна трогает ее за плечо. – Я на тебя очень рассчитываю... Смотри, не подведи меня. Непременно перечитай современную сказку, что я тебе дала в прошлый раз. Там очень много умного, интересного в познавательном отношении... Договорились?

Перед въездом на городскую площадь машина останавливается, и все идут прощаться с Горелкиными. Настена видит, как закурили мужчины, как Мишин папа обошел свой «джип» и попинал все четыре колеса... Потом все вернулись, кроме Феликса, и дальше их машина поехала уже одна.

– Нет, Сашенька, это невозможно, – горячо шепчет за спиной Аглая Федоровна. – Он не может не понимать, в какое положение ставит меня своим поведением. В конце концов – нас видят дети! Я не могу этого не учитывать...

Настена потянулась и включила радио. Передавали хорошую музыку. Что-то грустное, похожее на продутую ветрами поляну, без стройной красавицы-елки, неумело срубленной Мишей Горелкиным. И так голо смотрелись теперь чьи-то тройчатые следы, наискось пересекающие поляну...

Подрулив к подъезду, отец остановил машину и устало откинулся на спинку сиденья: ночью, из-за близорукости, ему особенно тяжело водить машину.

– Все, приехали, – хриловато сказал он.

– Настя, доченька, захвати продуктовую сумку, – попросила мама, подхватывая рюкзак. – Только осторожнее, не разбей термос.

И лифт поднимает их на пятый этаж. Сухо выщелкивается черная пуговка кнопки, распаивается полосатая дверь, приглашая покинуть зависшую над пятиэтажной бездной пластмассовую клетку.

– Слава богу, наконец-то мы дома, – облегченно вздыхает мама, перешагивая порог квартиры.

В доме какая-то странная, незнакомая тишина, холодно и враждебно притаившаяся во всех трех комнатах, и лишь на кухне, у подоконника, призывно белеет табуретка, оставленная Настёной лишь вчера. В самом деле – прошло немногим больше суток. А кажется, что...

– Настенька, доча, я уже набрала тебе в ванну воды.

На улице тихо и темно. У табачного киоска под фонарём останавливаются два человека. Он приваливается спиной к киоску и осторожно обнимает спутницу. У нее дорогая соболья шапка, холодно поблескивающая мертвыми ворсинками. Настене почему-то кажется, что эти ворсинки похожи на еловые иглы, которые тоже уже мертвы на елке, одиноко стоящей во дворе их дачи...

– Настенька, вода стынет.

И все продолжал падать на светло-голубую морскую гладь пучок света от невидимой луны. И бездонная глубина угадывалась среди волн простой копии с картины Айвазовского...

Интеллигент в первом поколении

Анатолию Бабаеву

I

Вера Николаевна Калашникова заканчивала прием, когда ее позвали к телефону. Она извинилась перед маленьким седеньким старичком, носившим старомодное пенсне, и пошла в ординаторскую. Звонил Калашников. Он густо прокашлялся, подул в трубку(отвратительная привычка!) и нерешительно спросил:

– Верочка, это ты?

– Нет, это тетя Маша! – раздраженно ответила Вера Николаевна.

– Извини, – Калашников засмеялся. – Я, кажется, не вовремя?

– У тебя совещание? – нетерпеливо спросила Вера Николаевна.

– Понимаешь, – Калашников обрадовался ее догадливости, – срочный вопрос...

– Вот и прекрасно! – перебила Вера Николаевна. – В таком случае я иду сегодня на день рождения.

– Отлично! Обязательно сходи, – она почувствовала, что Калашников улыбается, добродушно щуря близорукие глаза. – И я бы с удовольствием, да вот, понимаешь...

– Хорошо, Калашников, у меня пациент.

– Не сердись.

– Будь здоров...

Вера Николаевна опустила трубку и задумчиво посмотрела в окно, за которым медленно просыпалась земля, простреливаемая молодыми зелеными побегими. Вниз по течению, обнажая свинцово-холодную поверхность реки, медленно уплывали последние льдины. Странно, она и не заметила, как подступила весна, как сошли талыми водами снега, а на тополях в больничном сквере набухли клейкие почки. А теперь вот взглянула в окно, увидела греющихся под солнцем воробьев, мальчишек с новеньким скворечником, черную ленту дымящегося асфальта и удивилась – весна! словно бы прожила она все последние недели взаперти, ничего и никого не видела, а сегодня вдруг вышла на улицу и зажмурилась от яркого весеннего солнца, жадно хватая ртом мягкий воздух, легонько папахивающий дымом. Где же она была?..

– Верочка! – впорхнула в ординаторскую Тоня Жигалкина. – Ты уже видела новенького?

– Вера Николаевна вздрогнула от потерянной тишины и непонимающе посмотрела на Тоню.

– Говорят, оч-чень интересный мужчина и прекрасный хирург, – с превосходством осведомленного человека сообщила Тоня. – Его к нам из Прибрежного перевели: будет заведовать хирургическим отделением вместо Петра Ивановича... Представляешь? А Петр Иванович остается простым хирургом... Представляешь?

– Представляю, – вяло ответила Вера Николаевна.

– А я за подарком бегу. Ума не приложу, что ей купить? Она ведь такая разборчивая, не угодишь – два года будет дуться.

Старичок прилежно сидел на стуле и понимающе улыбнулся вошедшей Вере Николаевне. Она еще раз извинилась, вспомнила жалобы пациента и вежливо предложила:

– Может, в стационар?

– Нет-нет! – даже привстал больной. – Ради бога! Я в состоянии на процедуры ходить – зачем же мне в стационар? – Он снял пенсне, протер его смятым платочком и не без смущения пояснил: – На улице весна, Вера Николаевна, все живет, все обновляется, а я – в палату. Не хочется. Кто его знает, может быть, последний раз вижу... Я вот летом путешествие задумал, на теплоходе. Хочется, знаете, на все насмотреться. А то ведь жизнь прошла, и все некогда было. Спасибо вам, но я потерплю, а если что, тогда уже зимой...

– Уговорили, – Вера Николаевна улыбнулась, – будь по-вашему.

Закончив прием, Вера Николаевна аккуратно подкрасила губы, с неудовольствием отметила легкие крапинки веснушек на носу, переделалась и, не заходя в ординаторскую, вышла на улицу.

До сбора в ресторане оставался час, и она направилась к Амуру, невольно отмечая, как переменились люди: перемена была не только в одежде, обуви – перемена была в самих людях. Кто его знает, может, она просто не обращала внимания, но показалось Вере Николаевне, что люди стали красивее, щедрее на улыбку. И она сама того не замечая, невольно расслабилась, облегченно вздохнула, свободно и просто глядя в глаза прохожих.

«Нет, все хорошо! – с радостью подумала Вера Николаевна. – Все в порядке... Просто здесь слишком длинные зимы – очень длинные. Шесть месяцев – это много. Все-таки, она южный человек, а здесь так вот сразу: метели и морозы, морозы и метели... Большая квартира и – тишина. Это ужасно, когда в большой квартире поселяется тишина, тогда квартира кажется еще больше, и приходят всякие неприятные мысли. Например, что ты уже похоронен, давно не живешь, и тебе лишь кажется, что над тобою бетонные перекрытия пятиэтажного дома, а на самом деле это крышка захлопнувшегося гроба...»

Вера Николаевна вышла к реке и с высокой набережной увидела глубокий простор приамурской поймы, пронизанный легкой голубоватой дымкой. Внизу, вдоль берега, громоздились грязно-серые льдины, выброшенные на камни мощным течением реки. Лёд был – вчерашним днем, голубой простор до отрогов Малого Хингана – днем сегодняшним, а высокое, безмятежное небо с кофейным шаром над сопками – всей будущей жизнью.

Рядом с Верой Николаевной остановились женщина и мальчик лет шести. Мальчик был в аккуратной курточке и джинсах, от чего казался потешно взрослым. Видимо, продолжая разговор, он серьезно спросил мать:

– А солдаты носами ходят?

– Носами? – удивилась мать. – Почему носами?

– А почему ротами ходят?

Вера Николаевна тихо засмеялась, распахнула плащ и медленно пошла по набережной в сторону стадиона.

II

В ресторане Вере Николаевне не понравилось, и она почти сразу раскаялась в том, что пришла. Начать с того, что их заперли в какой-то маленький банкетный зальчик, один из тех, которые давно и прочно именуют по всей стране «розовыми» и «голубыми». Трудно вообразить что-нибудь пошлее этих наименований. Было тесно, душно и отвратительно пахло из раскрытого окна с видом на мусорный контейнер.

Веру Николаевну усадили рядом с именинницей, Марией Александровной Семухиной, женщиной нервной и разговорчивой, большой любительницей «резать правду-матку». С другой стороны устроилась Тоня, добровольно взявшаяся сообщать Вере Николаевне все самые последние новости. Доброе, раскованное настроение, пришедшее к Вере Николаевне на набережной, постепенно улетучилось, и она лишь выжидала момент, когда можно будет уйти, не обидев Марию Александровну.

Разговор, покрутившись вокруг именинницы, постепенно перешел в более привычное, хорошо всем знакомое русло – на медицинские темы. И почти сразу определились два враждующих лагеря, один из которых возглавляла Мария Александровна, а второй хоть и оставался без лидера, но явно поддерживался молодежью.

– Странно получается, – нервно говорила Мария Александровна. – Оч-чень странно... Я не против молодых специалистов, упаси бог: пусть приезжают и работают, кто им не дает? Но прежде пусть они докажут, что умеют работать. Выучить латынь и отличать воспаление легких от катара верхних дыхательных путей – еще не значит быть квалифицированным врачом. Да ведь и латынь-то не знают! Вы посмотрите Тонины рецепты, они совершенно безграмотны, на уровне какого-нибудь деревенского коновала. Да и у других не лучше...

Почти каждый воспринял это «других» на свой собственный счет. Неприятно кольнуло и Веру Николаевну.

– Можно отлично знать латынь и оставаться бездарным доктором, – обиженно выпалила Тоня и, повернувшись к Вере Николаевне, возмущенно зашептала: – Вот она, ее принципиальность: готова всем выцарапать глаза только за то, что ее Петеньку попросили из кресла главного хирурга... И правильно сделали. Правильно!

– Маша, – попробовал утихомирить свою распалившуюся жену Петр Иванович, – выби-рай выражения...

– Я к чему все это говорю, – гнула свое почтеннейшая Мария Александровна, – страдают ведь в первую очередь наши пациенты...

«Та-ак, – неприязненно подумала Вера Николаевна, – сейчас перейдут на личности и частности: такой-то в прошлом веке обидел такую-то, такая-то в средневековье смертельно оскорбила такого-то... Нет, пора уходить. Пора и честь знать, как говорили сентиментальные чеховские герои, и не менее сентиментальные героини отвечали – как угодно. Хорошие были времена... Сейчас, кажется, взорвется Бездомцев, этот тихий псих...»

Но Бездомцев, молодой стоматолог с вишневыми глазами, взорваться не успел, потому что в банкетный зал торопливо вошел человек, при виде которого все стихли, а Мария Александровна даже забыла опустить руку.

– Вот он! – восторженно прошептала Тоня. – Вадим Сергеевич Петров... Кто бы мог подумать, что он придет сюда. Верочка, он тебе нравится?

Нет, Петров Вере Николаевне не понравился. Может быть, потому, что был не слишком высок ростом (лет с тринадцати она тайно обожала высоких мужчин). Она-то ожидала увидеть дородного представительного мужчину, с мягкими холеными руками хирурга и неожиданно пронзительным взглядом. Сама того не подозревая, Вера Николаевна рисовала в своем воображении почти точный портрет мужа, за исключением разве что пронзительного взгляда...

Петров довольно-таки ловко вручил подарок Марии Александровне, от приглашения сесть за стол не отказался, штрафную рюмку выпил в общем-то смело.

«Неплохо, неплохо, – невольно отметила Вера Николаевна, и в самом деле удивляясь той естественной непринужденности, с которой Петров вошел в компанию. – Но вот как примет тебя Мария Александровна? В ее лагерь ты не годишься, а врагов она не щадит. Посмотрим...»

Петров, однако, сумел поладить и с Марией Александровной, ни разу не впад в подобострастный тон, но и не задев ее обиженного самолюбия. Это, как иронично подумала Вера Николаевна, был уже высший пилотаж, школа, которую бог знает где хорошо освоил новый заведующий хирургическим отделением. Но больше всего поразило Веру Николаевну то, что именно с Марией Александровной Петров разговаривал почти небрежно, с едва уловимой, но твердой иронией, совершенно не позволяя себе этого с другими. И Мария Александровна не обижалась: в чем тут был секрет – она не могла понять...

– А почему мы не танцуем? – с юношеским пылом вдруг выпалила Тоня. – Мужчины, пожалуйста, приглашайте дам и перестаньте курить! От вашего дыма можно с ума сойти.

Это были пробные стрелы, которые не очень умело выпустила Тоня в адрес Петрова. Однако же он и здесь оказался на высоте: понял все правильно и тотчас пригласил Тонию на танец.

«Да он просто проходимец! – восхитилась Вера Николаевна. – И наверняка немалый сердцеед. Наверное, он обязательно читает бедным женщинам стихи и говорит примерно такие фразы: «Я верю в предчувствие. Я предчувствовал вас. Моя интуиция никогда не обманывает меня. Видимо, это профессиональное». Ну и что-нибудь в этом же роде, с обязательным условием – постель в первую ночь. «Иначе мое предчувствие может жестоко обмануть меня...»

– Вера Николаевна, – перебил ее более чем нелепые мысли Бездомцев, – а вы не хотите танцевать?

Она не хотела, но вдруг решила посмотреть, как танцует Петров: ей казалось, что он должен танцевать виртуозно, вкладывая в это дело тактический расчет и грубоватую прямолинейность опытного сердцееда.

Бездомцев принял ее руку, и они вышли в соседний «общий» зал, где дым стоял коромыслом и окна звенели от истошного музыкального электроизвержения. Бездомцев восхитительно не умел танцевать и восполнял этот недостаток разговорами, которые мало в чем отличались от его танца.

А Петров (ур-ра, она угадала!) танцевал великолепно. Правда, он не тискал партнершу, не пытался прижать ее к себе, он просто уверенно вел ее по кругу, учтиво предохраняя от столкновений.

– Я смотрю, вы привыкаете к нашему коллективу? – заметил Бездомцев.

– Привыкаю...

– Сегодня в нашей компании два сюрприза: вы и Петров...

Веру Николаевну неприятно задело это сравнение, и она суховаато ответила:

– Мне трудно соперничать с Петровым.

– Не скажите, – многозначительно улыбнулся Бездомцев.

Следующий танец Петров посвятил Марии Александровне, потом Тоне, потом два танца пропустил и, наконец, он подошел к Вере Николаевне. Была какая-то сложно-замысловатая музыка, коктейль из русской плясовой и еврейского гимна. Плясали – кто во что горазд, а подвыпивший кавказец, лихо гикнув, даже попробовал изобразить лезгинку. Но Петров и здесь не растерялся, он взял за основу только один ритм и, строго подчиняясь ему, уверенно повел Веру Николаевну.

– Вы уже все знаете обо мне, – монотонно, в нос и куда-то в сторону, заговорил Петров. – Я напоминаю вам плохого актера на хорошей сцене. Вы весь вечер изучали меня и пришли

к выводу, что я порядочный проходимец. – Петров улыбнулся и весело посмотрел на Веру Николаевну. – Разве не так?

– Допустим, – она решила не щадить его. – Только не надо со мной говорить в нос: я не девочка из подготовительного класса и не идиотка...

– Вот как! Приму к сведению, – и он опять улыбнулся, и зубы у него были неожиданно хороши.

«А он забавен, – оживляясь, подумала Вера Николаевна. – Вот так, наверное, бедные женщины и попадают на его удочку».

– Мне кажется, вы должны быть и отличным кулинаром?

– Почему «и»?

– Потому что вы отлично ладите с людьми, танцуете, едите и... Что там еще, вам лучше знать...

– Большое спасибо, – неожиданно серьезно ответил Петров. – Таких комплиментов мне еще не говорили...

Они уже возвращались в свой зальчик, когда Петров, вновь переходя на шуточный тон, сказал:

– А вы неплохой психолог, Вера Николаевна... Оч-чень опасный человек. Я же, увы, гораздо лучше ориентируюсь в анатомии, чем в психологии.

– Ну-ну, – усмехнулась Вера Николаевна, – не умаляйте свои достоинства...

Поздним вечером возвращалась Вера Николаевна домой. Пожалуй, впервые она была на улицах города так поздно и одна. Ярко светили ночные фонари, густо и весело шли люди из городского парка, воздух пах дымом горевших за Амуром торфяников. На юге, где родилась и выросла Вера Николаевна, таких запахов не было, и она искренне удивилась тому, сколь различен воздух этой земли и ее родины.

III

Дома ее встретил Калашников. Поцеловав Веру Николаевну и приняв от нее плащ, он заботливо поинтересовался, понравился ли ей вечер.

– Хороший был вечер, – улыбнулась Вера Николаевна. – Главным образом за счет одного восхитительного типа – тебе надо было на него посмотреть. Артист! Из салона графини Шерер.

– Рад за тебя, – и в самом деле обрадовался оживлению жены Константин Иванович. – А кто он такой, этот артист?

– Новый заведующий хирургическим отделением... А я, Калашников, голодна. У тебя что-нибудь съедобное есть?

Они вместе попили чай с тостами, и Константин Иванович коротко рассказал о совещании. Вера Николаевна, невнимательно слушавшая мужа, перемыла посуду, протерла подоконник и холодильник и, неожиданно перебив Константина Ивановича, спросила:

– А в отпуск мы нынче едем?

– Калашников смутился, начал что-то объяснять, но так ничего толком и не объяснил.

– Прекрасно! – заключила Вера Николаевна и ушла в ванную комнату.

Пока наполнялась ванна, Вера Николаевна неторопливо разделась и подошла к зеркалу. Она долго изучала свое лицо и вдруг с горечью подумала: «Гос-споди, а ведь я старею... Хотя мне кажется, что я еще не начинала жить, что я только на пути к настоящей жизни... Что же это такое – настоящая жизнь?»

«Что же это такое – настоящая жизнь? – вновь подумала она, одиноко лежа в постели: Калашников любил работать по ночам. Она давно смирилась с этим, а вот привыкнуть так и не смогла. – Неужели только вот это: работа, дом, муж, посуда, магазин, работа? И так изо дня в день, из года в год, до первых морщин, потом – до седых волос и... Дом, анатомка, кладбище. И это – настоящая жизнь? То, ради чего я появилась на свет, училась ходить, смеяться, любить прекрасное, вообще – любить... Значит, все это ради дома, мужа, посуды, магазина, работы? Нет и нет! Где же в таком случае моя настоящая жизнь? Может быть, в детях, которых у меня нет? В детях – возможно... Но ведь не только в них. У детей должна быть своя настоящая жизнь, у родителей – своя. Так где же она?»

– Мысли Веры Николаевны хоть и были беспорядочны, но упрямо кружили на одном месте, словно почуяв какую-то добычу, которую непременно хотели настичь и получить в виде желанного трофея.

– Калашников! – громко крикнула Вера Николаевна. – Ты можешь оторваться от стола?

– Да, конечно, – Константин Иванович появился в дверях.

– Объясни мне, пожалуйста, что такое настоящая жизнь?

Константин Иванович удивленно вскинул густые брови, озадаченно погладил подбородок и, явно недооценив вопрос, начал обстоятельно объяснять:

– Это, Верочка...

Нет, не понял Константин Иванович жену, как не понял и того, что после таких вопросов следует немедленно бросать самую спешную работу, бежать, лететь, ехать хоть с самого края света, чтобы обнять и успокоить Женщину.

IV

У них установилась забавная привычка: за десять минут до приема Петров, если он бывал свободен от дежурства, заходил к Вере Николаевне и в том шутливом тоне, который он усвоил по отношению к ней еще в ресторане, заводил какой-нибудь пустяковый разговор. Вера Николаевна уже при одном только виде опрятной, подтянутой фигуры Петрова невольно настораживалась.

– Ну вот, уважаемая Вера Николаевна, – переступая порог, говорил Петров, – оказывается, вы в городе знаменитый человек.

– Вы что же, обо мне сведения собираете?

– Как вы плохо обо мне думаете, – вздыхал Петров и садился на стул для пациентов. – Просто о вас всюду говорят...

– Говорят, очевидно, о моем муже? – уточняла Вера Николаевна.

– Никак мне не хочется верить, что у вас есть муж, да еще такая знаменитость...

– Вадим Сергеевич, у вас не повышенное давление? Давайте проверим.

– Всегда мечтал быть знаменитым, но кто-нибудь опережал меня: космонавт, предприниматель, диктор телевиденья, модный актер... Теперь вот – ваш муж.

– Оставьте в покое моего мужа! – возмутилась Вера Николаевна.

– Извольте, – покорно согласился Петров. – Между прочим, Вера Николаевна, я ему совершенно не завидую...

– У меня начинается прием.

– Приняли бы вы меня – по личным вопросам? – Петров засмеялся.

– А вы женитесь! – посоветовала Вера Николаевна. – Вот и обеспечите себе ежедневный прием по «личным вопросам».

– Я подумаю, – согласился Петров.

Постепенно разговоры по утрам превратились в привычку, а там, Вера Николаевна и заметить не успела, в необходимость. Если Петров по каким-то причинам не заходил, она весь день хандрила, была раздражительна, объясняя это себе переутомлением и влажным климатом. В такие дни Вера Николаевна неизменно вспоминала свой родной юг, подруг и знакомых, теплые ночи у моря и само море, таинственно живущее среди земли. На юге, думала Вера Николаевна, совершенно иная жизнь и поэтому там невозможны такие люди, как Петров. Только на краю земли мог сохраниться этот тип мужчины: старомодно-интеллигентный, ироничный и пошловатый одновременно.

Как это ни странно, Вера Николаевна еще ни разу не усомнилась в том, что Петров – «пошловатый мужчина». Первое впечатление – сильное впечатление, а оно было именно таким от элегантных танцев Вадима Сергеевича Петрова в ресторане. Но еще удивительнее то, что именно эта, воображаемая Верой Николаевной пошлость Петрова, более всего привлекала ее к нему...

– Знаете, Вера Николаевна, – сказал как-то Петров, – я подумал и решил, что мне жениться рановато. Женщины любят сильных мужчин, а у меня едва душа в теле держится... Женщины любят знаменитостей, а я пока даже в своем околотке мало кому известен... Женщины любят...

– Хватит! – перебила Вера Николаевна. – Я знаю женщину, которая полюбит вас и таким... бе-едненьким.

– Кто она?! – вскричал Петров. – Где она?

– Рядом, – Вера Николаевна улыбнулась, – через кабинет от меня.

– У-у-у! – Петров сел. – Не люблю окулистов: когда они заглядывают в глаза, мне всегда кажется, что они там видят мою поджелудочную железу. А домашний окулист – это еще хуже инспектора ГАИ перед подвыпившим водителем. Вера Николаевна, на что вы меня толкаете?

– Кто ваши родители, Вадим Сергеевич? Старые интеллигенты?

– Мои? – он искренне удивился. – Ну что вы! Увы, Вера Николаевна, в нашей семье я интеллигент в первом поколении...

Через два дня Вера Николаевна случайно узнала, что Петров дважды заходил к Тоне: прощался с нею и заходил к так не нравящимся ему окулистам. Вначале она удивилась – и только. Но когда Тоня, пунцовея щеками («здоровье краше всех румян!»), с испуганным восторгом передала содержание их разговоров, которые носили чересчур смелый, даже – рискованный характер, Вера Николаевна возмутилась.

«Вот он где, голубчик, проявился, – с тихим злорадством думала Вера Николаевна. – Интеллигент в первом поколении... Конечно, он не женится на Тоне, но почему бы не поразвлечься с милой дурёхой? Очень даже охотно! Итак, уважаемый Вадим Сергеевич, вас не хватило и на месяц...»

В таком духе она размышляла долго, весь день, тщательно заготовливая фразы, которыми хотела положить конец затянувшимся визитам Петрова, но все получилось иначе...

– Вообразите, Вера Николаевна, – по-своему обыкновению с порога заговорил Петров, – я решительно взялся ухаживать за Тонечкой. После наших академических бесед я просто наслаждаюсь тихим и уютным разговором о последних событиях в городе, и даже рискую выражать свою точку зрения на современную семью.

Как всегда, он упредил ее своей наигранной искренностью. Но ее почему-то задело, если не сказать больше, академическое определение их бесед. Что он хотел этим сказать?

– Значит, – Вера Николаевна решила говорить прямо, – если я правильно поняла, вас наши встречи уже не устраивают? Разговоры на отвлеченные темы, кабинетный официоз – не для вас! Гораздо больше вас привлекает интим в полутемной комнате? Или ресторан, а потом полутемная комната и диван с думочками... Вы что предпочитаете?

– Я? – он странно посмотрел на Веру Николаевну, усмехнулся и отдельно ответил: – Интим и диван с думочками...

Неожиданная вспышка раздражения прошла, и Вера Николаевна с ужасом подумала: «Что я ему наговорила? Зачем? Господи, всегда презирала служебные откровения, разговор на «любые темы», а сама? Что же это такое получается?»

– Вера Николаевна, – Петров поднялся, и никогда еще не видела она его столь серьезным, – в это воскресенье я улетаю на два месяца в Москву на специализацию.

– Зачем вы мне об этом сообщаете? – тихо спросила она.

– Если у меня возникнет желание продолжить наши, – он подчеркнул «наши» и едва выговорил следующее слово, – беседы, можно мне вам написать?

– Конечно, – она попыталась и не смогла ответить шутливо, она просто почувствовала, что шутка сейчас прозвучит фальшиво и бесцветно. И вот эту невозможность пошутить – создал опять-таки он, сделав новый шаг в их отношениях...

«Он вытворяет со мною все, что захочет, – растерянно думала Вера Николаевна. – Вздумается ему, и я начинаю паясничать, ему не до шуток и мне, видите ли, тоже возбраняется смеяться. Однако это уже слишком! В кого я превратилась? И главное – на каком основании?»

Так думала она, а рядом, почти синхронно, жила совершенно иная мысль: «Он уезжает. В воскресенье он уедет на целых два месяца. И что же, мне радоваться этому или горевать? А почему, собственно, я должна делать то или другое? Каким это образом отъезд Петрова может влиять на Веру Николаевну Калашникову? Но он – уезжает! И скатертью дорожка...»

V

Уже через неделю после отъезда Петрова Вера Николаевна поняла, что их свидания по утрам были куда серьезнее, чем она предполагала даже в самых тревожных мыслях. Утром она входила в кабинет, приводила в порядок стол, садилась в кресло и ловила себя на том, что ждет Петрова... Ждет – и все тут. Знает, что он в Москве, что ждать его – глупо, и – ждет. Или представляет, как он с порога улыбается ей и что-то шутливое говорит...

– Верочка, ты одна? – заглянула к ней Тоня. – Ужасно скучно. Я не знаю, куда себя девать, – пожаловалась она. – Вчера ходила в кино – кошмар: кто храпит, кто матом выражается...

Вера Николаевна ждала письмо. Как-то тихо, исподволь она решила: если будет письмо, значит – так тому и быть. Чему именно – она не уточняла, не хотела уточнять, наперед зная, что готова на все. И эта готовность была в ее внутреннем состоянии...

Теперь она уже не скучала по своему югу, не думала о «настоящей жизни»: ожидание, память и предчувствие вполне устраивали ее.

Но писем не было. И она вспомнила последнюю фразу Петрова: «Если у меня возникнет желание продолжить наши беседы...» Значит, не возникло? Но его отношение к ней уже ничего не меняло – она любила Петрова.

«Вот так, девочка, – грустно иронизировала Вера Николаевна, – любовь – в тридцать лет! Бальзаковский возраст... Оч-чень мило... А что же с Константином Ивановичем? Ошибка? Он старше на двенадцать лет? Но куда же ты, милая, раньше смотрела? Ничего не понимала? Позволь, для этого высшего образования не надо – достаточно послушать свое сердце. Не услышала? Ах, бедное существо... Хорошо, любовь! Но как ты ее представляешь? Развод или любовницы к Вадиму Сергеевичу?»

И пришло письмо – короткое и откровенное.

Вера Николаевна ушла в парк и долго слушала разговор молодых листьев. Вспоминала строчки из письма, ощущая гулкие, напряженные удары сердца и решительно не хотела думать о будущем. Слишком долго жила она будущей жизнью, чтобы теперь торопить настоящую... Мимо нее проходили молодые парочки – она им не завидовала. Вера Николаевна хорошо знала, как долг путь к настоящему чувству и как сложно в этом пути не растерять веру в него.

Здесь, в парке, она решила все рассказать Калашникову: она не хотела обмана, потому что любовь, думала Вера Николаевна, начавшаяся с обмана, не может и не должна принести счастье...

– Калашников, – твердо сказала Вера Николаевна вечером, – я, кажется, влюбилась...

Константин Иванович, читавший за столом газеты, машинально перевернул полосу, потом выключил лампу и положил руки перед собой. Он долго молчал. Молчала и Вера Николаевна, зачем-то упрямо рассматривая его грузные плечи и коротко стриженный затылок. Она ждала и боялась ответа...

«Кажется», – глухо, не оборачиваясь, проговорил Калашников, – или влюбилась?

Вера Николаевна, заранее настроенная воинственно, вначале возмутилась этой канцелярской формальностью, но тут же и поняла, какое большое значение может быть для Константина Ивановича, да и для нее самой, в этом слове «кажется». Кажется – неопределенная форма, которая еще позволяет на что-то надеяться, дает отсрочку... Только теперь, в эти секунды, Вера Николаевна до конца поняла, какой разговор она затеяла. Стало страшно. «Вдруг мне и в самом деле только кажется? – испуганно подумала она. – А завтра все пройдет, и что тогда? Что тогда! Вновь тишина огромных комнат, когда-то напомнивших ей призму, вновь осточертевший круг, по которому она будет перемещаться, а в центре этого круга – убывающая точка времени, которая с каждым новым кругом становится все более призрачной и эфемерной, как

шагреновая кожа в романе Бальзака. Но ведь течение времени не изменится, будет она с Калашниковым или без него – точка неизменно растает в пространстве, положив предел всему земному, и какая разница – с кем она встретит этот предел. Значит, дело не во времени и даже не в тишине огромных комнат? В чем же тогда? В чем?! Ужасно глупо было затевать этот разговор, не переговорив с самой собою. Что же ответить? Вот сейчас, от одного-единственного ее слова будет зависеть все... Что ему ответить? Оставить сомнительное «кажется», и тогда останутся корабли, на которых она в любое время сможет вернуться в свой заколдованный круг, в свою бетонно-кирпичную призму. Что ему сказать? Он ждет...

– Кажется, влюбилась, – Вера Николаевна закрыла глаза и откинулась на спинку дивана. Оказывается, все это время она сидела в столь напряженной позе, что у нее заболела спина. – Кажется, Калашников, – тихо повторила она.

VI

Дня три-четыре в отношениях Веры Николаевны и Калашникова чувствовалась напряженная натянутость и, не сговариваясь, они старались как можно реже встречаться в эти дни. Константин Иванович кочевал с одного совещания на другое, присутствовал на всех ученых советах и заседаниях, с твердостью отстаивая свою линию, горячась и обрушиваясь на оппонентов с несвойственным ему пылом. Домой Константин Иванович приходил поздно, возбужденный спорами, и в такие минуты он нравился Вере Николаевне. Она пыталась представить его в молодости, когда он еще не был знаменит, не имел званий и степеней, и видела эдакого безобидного, но упрямого увальня, которому надо помогать и внимательно следить за чистотой его носовых платков. Увы, когда они встретились, Константин Иванович в этом уже не нуждался... Его привычки, симпатии и антипатии к тому времени окончательно сложились, кодекс домашнего быта был определен, и Вере Николаевне ничего не оставалось, как только приспособиться к этим неписаным правилам. А ей так хотелось самостоятельности, она просто мечтала хоть раз предостеречь его от чего-нибудь, поправить пусть в самом незначительном пустяке...

В первые годы супружества Вера Николаевна с завидной смелостью бросилась в погоню за славой Константина Ивановича. Она не хотела быть просто женой знаменитости и поэтому упрямо отвоевывала свою маленькую независимость в семье, обществе, среди близких и знакомых. Однако не только догнать, но даже сколько-нибудь приблизиться к известности Калашникова так и не смогла. Слишком велика была дистанция, а она выдохлась уже на первых километрах. Пришлось свыкаться с тем, что всюду, куда бы она не приходила, вежливо и даже с оттенком уважения говорили: «А-а, это Вера Николаевна, супруга Константина Ивановича Калашникова». Или – «Константин Иванович Калашников с супругой» и так далее... Это ее раздражало. Но более всего негодовала и раздражалась Вера Николаевна на своей работе, когда прежде чем назвать ее, опять-таки называли мужа, награждая ее тем оттенком уважения, которое заслужил он. Тем самым ни в грош не ставились ее собственные заслуги, знания, опыт, стремление делать свою работу честно и хорошо. И она устала. А когда Вера Николаевна устала – появился Вадим Сергеевич Петров...

Вера Николаевна не ответила на письмо. Вернее, не было аккуратно исписанного листа бумаги, конверта и московского адреса, а писем было несколько, много, на десятках страниц, и все эти письма оставались в ее воображении. Она сочиняла очень откровенные, обнаженные письма, в которых рассказывала Петрову о своей жизни, начиная с маленького южного городка, в котором когда-то родилась, ходила в школу, потом уехала в институт, возвращаясь в него на каникулах и, наконец, в котором познакомилась с Калашниковым. Сама того не замечая, в этих письмах Вера Николаевна пыталась разобраться в той ситуации, которая привела ее к замужеству.

Почему именно Калашников? С его возрастом, намечавшимся животиком и славой? Неужели она стремилась к легкой жизни? Никогда! К необычной, красивой – может быть. И потом: она искренне надеялась, что чувство придет со временем, что это не самое главное. И еще – желание самопожертвования: сделать все, чтобы ему легко работалось, ничто не мешало, стать его правой рукой, необходимой в самых разных мелочах. Увы, тогда она еще не знала, что в больших и малых делах Калашников привык обходиться сам. «И вот теперь ты, Петров, – мысленно писала она свое длинное письмо, – молодой и талантливый. Ты даже немного моложе того Калашникова, которого я встретила впервые. И все-таки – тебе уже тридцать. За тридцать лет человек ко многому привыкает и не хочет уступать свои привычки другим. А я, Петров, просто не в силах еще раз подчиниться чьему-то укладу жизни, пожертвовать своими привычками ради чужих. Я устала, Петров, а ты мне не уступишь. Ты всего лишь интеллигент в первом

поколении и еще не научился уступать женщинам... Мы слишком поздно встретились. Я долго думала об этом и пришла к странному выводу: очень хорошо, Петров, что мы не встретились раньше. Я бы тебя любила – очень! И скоро бы надоела тебе. Из двух любящих один всегда любит меньше, еще меньше, потом – совсем не любит. А я бы этого не перенесла...

Странно, мы так мечтаем о любви, ищем ее всюду, а когда она к нам приходит – становимся несчастными людьми: ревнуем, сомневаемся, делаем глупости и очень скоро превращаемся в больных и раздраженных субъектов. В этом отношении, Петров, человечество все еще находится в пленках... Ты не замечал? Да и вообще во всем, что касается чувственной стороны дела, человек ужасно отстает от времени. Ну вот любовь! Какое-то завораживающее и в то же время пошленькое словцо. Но пошлость, наверное, от частого употребления – к месту и не к месту. Любят уху, машину, шмотки и... женщину или – мужчину... Нет, Петров, ничего у нас с тобой не будет. Когда я получила твое письмо и сидела в парке, мысленно разговаривая с тобой, я думала, что все возможно: и любовь, и новая жизнь, но... Нет, Петров, повторяться нельзя. Я это поняла, когда призналась Калашникову в своей любви к тебе. Я не хочу все усложнять, но мне кажется, что ты слишком легко смотришь на вещи, которые очень дороги для меня...

А в городе, Петров, давно уже лето. Стоят жаркие, солнечные дни. И очень много молодых людей: красивых, уверенных в себе, в своей молодости, в праве на будущее счастье и будущую любовь. Петров, совсем недавно и мы были такими. Неужели – были? Ведь и прошло-то всего-навсего десять лет... Только десять лет и – уже десять лет! Господи, иногда мне кажется, что я живу со времен пещерного человека. А иногда... Да что там говорить – стареть грустно...»

VII

Однажды приехал Петров. Вера Николаевна была дома и читала книгу. Очень долго читала о том, как у героя уехала жена, и он вдруг затомился похотливой страстью, заметался в поисках приключений, а жена, где-то там, в отпуске, тоже не терялась и тоже металась по солнечному пляжу в поисках выдуманного идеала. И все это так просто и буднично было описано, словно автор меню на завтрашний день составлял. А может быть, подумалось Вере Николаевне, так и надо? Без напрасных усложнений, мучительных раздумий и поисков какого-то выхода. Раз – и головой в омут! А там будь что будет – хоть трава не расти! Но что-то мешало ей согласиться с таким выводом... И в это мгновение, совершенно неожиданно, пугаясь и волнуясь, она подумала: «А ведь он приехал!» Уверенность в этом была настолько сильной, что она невольно подошла к окну и, отдернув шторы, внимательно осмотрела улицу. Никого там не увидев, она мало-помалу успокоилась, вновь села на диван и уже с иронией спросила себя:

– Да, он приехал. Что теперь?..

Утром Петров сделал небольшой доклад о своей поездке в Москву. Он похудел и показался Вере Николаевне усталым. Она плохо слышала то, о чем он рассказывал, никак не могла сосредоточиться на его словах, которые казались ей такими же неизвестными, как и светло-серый костюм из Москвы.

«Он изменился, – подумала Вера Николаевна. – Он сильно изменился – столица пошла ему на пользу... Пожалуй, теперь бы он уже не написал того письма или написал – другими словами».

– Скажите, Вадим Сергеевич, что слышно в Москве о повышении заработной платы? – спросила Мария Александровна.

– Если и будет, то только сгущенным молоком! – усмехнулся Петров, и Вера Николаевна тут же подумала: «Нет, он прежний. Просто за эти два месяца я отвыкла от него или сама стала другой...»

День тянулся мучительно долго – Петров не заходил. Вначале она боялась его прихода, потом ждала, а к вечеру уже возмущалась и негодовала. Вере Николаевне казалось грубым и бестактным поведение Петрова, демонстративно не заходившего в ее кабинет.

«Хорошо, – думала Вера Николаевна, – он обиделся, но мог бы зайти и сказать об этом прямо. Конечно, прежде он так бы и поступил, а теперь... Нет, он изменился и изменился к худшему... Прекрасно, в таком случае и она его встретит...»

Но в тот день Вера Николаевна его не встретила. Не встретила и на другой день. А в субботу был коллективный выезд за грибами...

Лес принял их тихо и печально – он уже готовился к осени, к той волшебной поре, богатой на краски и звуки, которая невольной грустью отзывается в человеке, лишней раз напоминая ему, что еще один круг завершен, один из многих, которыми одарила природа землю и все живущее и произрастающее на ней. Давно вызрели и опали ягоды, просыпав в землю семена, чтобы в новом круге свершить еще одно таинство рождения и смерти... Лес принял их тихо и печально, а они были излишне суетливы, с громкими криками, смехом и шутками вошли в него, нарушив покой вековых деревьев и тихий шепот состарившихся листьев.

– Верочка! – щебетала восторженная Тоня. – Я совсем-совсем не умею собирать грибы: я знаю только мухомор. Можно, я буду с тобой? Ты мне подскажешь?

– На обед – в два часа! – командовала Мария Александровна. – Далеко не отходить – водитель будет сигналить нам.

– Верочка, а змеи здесь есть?

– Наверное...

– Боже мой! – ахнула Тоня. – Я боюсь...

Вере Николаевне хотелось побыть одной. Несколько раз она пыталась уйти от Тони, но из этого ничего не вышло: Тоня через каждые пять минут окликала ее, молчала ужасную чепуху и под конец так надоела Вере Николаевне, что она не сдержалась и раздраженно сказала:

– Тонечка, ты бы могла немного помолчать?

– Конечно, Верочка... Это у меня с детства. Я и сама не знаю, как у меня все тут же срывается с языка. Просто ужасно... Это хороший гриб?

– Хороший... Выбрось подальше!

– Ты заметила, Верочка, что Вадим Сергеевич после Москвы стал какой-то не такой. Раньше и поговорит и пошутит, а теперь – здрастье- до свидания и все.

– Нет, не заметила

– А я заметила, – вздохнула Тоня. – Вот и сегодня всю дорогу молчал...

И все-таки Вере Николаевне повезло: Тоню окликнула и забрала с собою Мария Александровна. Выяснив, что Тоня совершенно не разбирается в грибах, Мария Александровна уже не отпускала ее от себя.

Вера Николаевна никогда раньше не была в настоящей тайге и совершенно не знала ее. Теперь же, одиноко шагая между вековыми деревьями, она впервые поразились мощи и величю того края, в котором прожила целый год. Нет, она не боялась тайги, просто было у нее такое ощущение, что по тайге можно идти день, два, неделю – и никогда не кончится это царство седых великанов, этот мягко-зеленый полусумрак, осторожное потрескивание, неожиданный всплеск чьих-то невидимых крыльев. В одном месте наткнувшись на поваленную ветром лиственницу, Вера Николаевна присела и долго слушала удивительной глубины тишину. И здесь, в тайге, Вере Николаевне показалось, что время замерло, она вырвалась, наконец, из заколдованного круга, и жизнь у нее впереди бесконечная. Это длилось только мгновение, но и мгновения хватило для того, чтобы поверить в возможность счастья. Огромного, как эта тайга, безмерного, как остановившееся на миг время – так хотелось верить, так хотелось жить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.